ISBN 978-5-6045941-0-0

НЕДОМЕД. СОВСЕМ РАЗНЫЕ РАССКАЗЫ

Евгений Рабцун

Подпись_____

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАТЕРЛАЙФ»

ISBN 978-5-6045941-0-0

НЕДОМЕД. СОВСЕМ РАЗНЫЕ РАССКАЗЫ

Евгений Рабцун

Подпись_____

Краснодар
«Материлайф»
2021 год

УДК 304.3
ББК 83.014.46
Р 12

Рабцун Е. А.

Р 12 Недомед. Совсем разные рассказы. Сборник. 16+ — Краснодар: Издательство: ООО «Материлайф», 2021. — 96 стр.

ISBN 978-5-6045941-0-0

Перо в руках врача — тот же скальпель: им режут правду-матку по белой простыне страниц. Очень больно, если без наркоза художественного вымысла. А с ним — читать легко и даже втягиваешься. Автор нашел удивительный жанр для своих рассказов — сатирическая публицистика о нынешних нравах в отеческом здравоохранении. Чиновники, доктора, пациенты — все смешалось в этом сборнике рассказов сочным миксом ярких литературных образов.

Итак, знакомьтесь: Евгений Рабцун, кандидат медицинских наук, ведущий эксперт Национального союза объединений частного здравоохранения, возглавляющий сеть успешных клиник «ЦСМ-Санталь». Эта книга родилась в интернете, где рассказы были впервые опубликованы, и где к автору пришло признание. Его тонкий ироничный взгляд растопил сердца читателей, увидевших изнанку сегодняшней медицины глазами медика. Получилось очень жизненно и оттого — увлекательно.

© Е. А. Рабцун
© ООО «Материлайф»

УДК 304.3
ББК 83.014.46

4 Ангел, черт и врач

18 Шарашкина больница. Проект 2030

28 Тюрьма и Сума. Всё для тебя, врач

36 Здравоохранение. Ночная демагогия классиков

46 Что такое хорошо и что такое плохо

56 Чиновница и ОМС. Люди слышат только то, что понимают...

66 ОМС. Несчастный случай на работе

74 Распродажа ОМС

80 Рассказ о бизнес-модели мусорной свалки эмоций

Рассказ №1

АНГЕЛ, ЧЕРТ И ВРАЧ

Медицинское заключение серия 22 № 1305090

Дата __/__/__/ Подпись_____

Врач умер. Врачи тоже умирают. Они люди.

— Задерживается что-то,— голос был спокойным и ровным, но настолько неожиданным, что Врач вздрогнул. За спиной, на расстоянии вытянутой руки стоял мужчина неопределенного возраста.

Какой-то чиновник, вероятно среднего звена, подумал Врач, чиновники высокого ранга по одному с врачами не встречаются. Пиджак мышиного цвета, галстук... Зануда какой-то... в белой рубашке, чиновничья прическа, с папкой... Точно, чиновник. Белые туфли, как из 90-х... почему белые? Непонятно. Интересно, что ему от меня надо.

— Кто задерживается? — растеряно спросил Врач.

— Паромщик. Он Вас перевезет через реку Стикс.

Только сейчас Врач ощутил леденящий холод. Он стоял на скользком каменистом берегу реки, которая пугала своими бурлящими черными водами, но еще страшнее было то, что другого берега не было видно — сплошная черная мгла. Край земли, а дальше ничего...

— Такое чувство, что я покидаю землю,— пронзила паническая мысль,— какой еще паромщик?

— Все верно подумали. Вы покидаете землю. Паромщик —

Харон, злой, скверный старик, бомжеватого вида и запаха. Странно, врач, а не знаешь. Он-то тебя отлично знает, он твоих столько перевозил, о-о-о-о... Позлил ты его. Он туда везет, а ты человека обратно, он туда, а ты с полпути обратно. В общем, не любит он тебя. Задобрить бы надо, деньги есть?

— А что, за это платят? Разве это не бесплатная услуга?

— Для граждан — бесплатная. С паромщиком наше ведомство рассчитывается по госконтракту. Но если Вы хотите, чтобы на качественном оборудовании, чтобы индивидуально, с применением инновационных транспортных технологий, то лучше доплатить. Но!!! Я не принуждаю, это исключительно дополнительный сервис, так сказать, по вашему личному желанию. Хотите бесплатно — пожалуйста, в старой дырявой лодке, набитой потонувшими мигрантами, по тошнотворному пути... но доедете.

Это звучало и омерзительно, и возмутительно, и унизительно, но стало страшно.

— Хорошо,— натянул улыбку Врач,— конечно, я доплачу. В кассу?

— Нет, конечно. Я же говорю, у нас все бесплатно. Да и денег у вас при себе нет. Я родственникам дам знать, что Вы добровольно изъявили желание: «доплатить». Я им подскажу: деньги для Харона под язык кладут. Да Вы не волнуйтесь, все будет качественно.

— А Вы кто? — отойдя от оцепенения, спросил Врач.

— Давай на «ты». Я — твой ангел-хранитель, ты — мой подопечный. Мне за тебя перед высшим судом ответ держать. Ох, и намаялся я с тобой. Знаешь, я даже как-то рад, что все кончилось. Думаешь, странно это слышать от ангела-хранителя, да? Но у тебя, я знаю, тоже такое бывает, лечишь-лечишь его, а он не лечится, не поправляется. Надоедает. Только на такой случай у врачей несколько путей есть, например, выписать на домашний уход, перевести в другое отделение, дать направление куда-нибудь... вариантов масса избавиться, а у нас путь только один — тянуть до последнего. Ты не думай, я, как и ты, честно работу выполнял, но пойми, ну не складывается у тебя в жизни... Так лучше... Ты меня понимаешь, да?.. Чего молчишь?

— Суд?.. Я думал, все Бог решает.

— Не-не-не, это не как у вас. У нас суд. Высший суд решает.

— Давай присядем, нам еще хвостатого ждать. Чего дрожишь, боишься? Я знаю,— дискомфортное ощущение, под ложечкой сосет и страшно. Когда не знаешь, что тебя ждет — ждать мучительно страшно. Человек такое существо, что всегда додумывает в худшую сторону. Это, знаешь, когда к тебе пациенты в очереди сидят — вот такое же чувство. Или нет, думаю хуже.

Пациент к тебе пришел, а ты сам его лечить не стал, посылаешь его к другому врачу и, кажется, вроде благо сделал, а человеку от этого только страшнее. В уме его сложились самые мрачные прогнозы. Ты от него отказался. Почему? Он не понимает. Конечно, он себя подбадривает, что ты просто плохой врач. Но ему снова в больницу, к новому врачу... и дискомфортно ему внутри, знаешь, такая щемящая тревога. А ты доволен. Считаешь, что помог. Я тебе как эксперт по человеческим душам скажу: никто не любит ни врачей, ни полицейских — боятся.

— А кто такой хвостатый? — прервал Врач нравоучительный монолог Ангела.

— Это черный ангел. Я — белый, а он — черный. Мой оппонент. Хитрющий чертяга, вот и зову его: «Хвостатый». Как и я, он твой куратор, но со стороны другой организации — ООО «Люцифер-корпорейшен».

— Да??? Я думал, ангелы — это как бы одна организация.

— Так и было раньше. Люцифер — он же в нашей организации работал. Но захотел стать выше Бога и лучше Бога, за что и уронил его Бог на землю. Уволил. Падший ангел. Хрестоматийная история.

— У нас тоже не любят, когда высшему начальству перечат.

— Ну, а ты как хотел, на земле все по подобию Божьему. Так вот, Люцифер пошел и создал свою контору. Он парень инициативный, творческий и очень энергичный. Теперь конкурируют с Богом на рынке земного влияния.

— У нас тоже толковый главный врач в областной больнице работал, ну, и с одним местным богом рассорился. Уволили. Он пошел и создал частную клинику. Аналогичная, по ходу, история.

— Ну да,— с легкостью согласился Ангел,— и что, удачно? Удачно открыл?

— Удачно, наверное,— Врач пожал плечами,— раз работают до сих пор. Когда только государственные больницы были, все под одним богом ходили, а теперь частные клиники кругом. Конкуренция. И вроде одному делу служим, а по-разному. Разные мы.

— И у нас так же,— кивнул Ангел,— дело одно, а служим по-разному. Есть ангелы-хранители, а есть искусители. Ангел улыбнулся, ему понравился остроумный подбор антагонизма.

— И кто же из нас двоих — хранитель?

Он появился ниоткуда. Вроде в обычных джинсах, футболка, джемпер, ничего особенного. Однако спортивное телосложение, кроссовки с буквой «N», трехдневная щетина и небрежно уложенные волосы создавали эффект мажорности… Трудно было определить его возраст, лет 30–35, но в висках седина… «На кого же он похож? — пытался вспомнить Врач. — Точно, на артиста Данила Козловского!»

— Да, многие так думают, но мы с ним даже не знакомы, у него другой куратор.

— Вы что, тоже мысли читаете? — опешил Врач и встал. Он не знал, как правильно себя вести в присутствии темных сил.

— Конечно. Я ангел с такими же опциями, только из другой фирмы.

Хвостатый подошел к Врачу на очень близкое расстояние, как говорят, вторгся в его личное пространство, но, удивительно, дискомфорта не было. Его взгляд не был зловещим, не излучал зла, не вызывал ни страха, ни отторжения, ни леденящего холода, ничего такого. Наоборот, мягкий, дружеский, проникающий внутрь, тот самый, который, заставляет раскрыть душу.

— Я совсем по-другому Вас представлял, — придушенным шепотом произнес Врач.

— Я знаю. С хвостом, свинячьим пятаком, рогами, мохнатое тело такое… с копытами… этаким исчадием зла. Таким, да? Или нет… весь в черном, лакированном, как в фильме «Константин»? У меня есть такая одежда, обычно мы так и ходим, но сегодня пятница, и уже вечер, поэтому я «по-легкому».

Врач почувствовал, что Черный ангел пробуждает в нем больше симпатий, чем его родной Ангел-хранитель. «Какая-то нетрадиционная у меня ориентация складывается», — мелькнула мысль.

— Черный пиар. Типичное поведение наших конкурентов, — развел руками Хвостатый, — да Вы садитесь, — предложил он, похлопав по плечу застывшего в изумлении Врача.

— Слушай, не начинай, — раздраженно прервал его Ангел, — это вечный наш спор: кто на кого наговаривает, а кто праведное дело ведет. «Хранитель» — это я, ангел Божий, и точка.

— Ну да, ну да… Вечный спор высших сил, — Хвостатый замысловато улыбнулся, — а люди всегда между ними, как сейчас, например, и Хвостатый сел по другую сторону Врача.

— Скажите, доктор, а Вы куда хотите попасть — в рай или ад? — задал вопрос Хвостатый.

— Я? — робко переспросил Врач, — хотелось бы в рай, конечно. Зеленые луга, цветы, сады, голубое небо, синее море, белый песок, яркое солнце и нет холодной зимы. Нет тревог. Вечный праздник и блаженство. От этих собственных слов душа Врача встрепенулась, разулыбалась и теплом растеклась по всему телу. Идея попасть в рай ему очень-очень понравилась, она породила цель, а цель породила смысл и сразу жизнью повеяло.

— Это ложь, доктор. Пропаганда. Рекламный трюк. Вас обманули. Рай бесцветный. Без запаха, без вкуса. Не осязаемый, не ощутимый, как туман, как облако. Пелена… Он даже не белый, он никакой… Там нет ничего из того, что вы описали, доктор. Ни-че-го.

«Вот так. Разноцветное облако мечты стало превращаться в жалкий, грязно-серый дым». — Врач надеялся, что Ангел поможет, заступится, хвостатый напал на его рай! Хранитель беспечно занимался своими делами — пускал «блинчики» по воде. — «Похоже, заставить скакать камни по волнам ему казалось куда проще, чем перечить своему оппоненту», — Мечта беспомощно таяла…

— Все просто и очевидно, — продолжал Хвостатый, — миллионы людей — миллионы разных мнений. Для тебя пенье птиц — хорошо, для него плохо. Синий нравится — синий раздражает. Тебе благоухает ароматом — его тошнит. Как можно обеспечить всеобщее блаженство для миллионов? Ответ один: вакуум, пустота. Там нет горести, но нет и радости, там нет слез, но нет и смеха. В раю нет добра, потому что добро — это обратная сторона зла, добро и зло — это единое целое. Пустота и равнодушие — вот что такое рай, доктор.

— Ну как же так? Подождите, ну, может, есть какой-то райский уголок? Может, как-то можно договориться? Я бюджетник, мне льготы положены. У нас с государством особые отношения: мы на него работаем — оно о нас заботится. А у вас как? Есть здесь забота о гражданах по выслуге лет? Я отличник здравоохранения, грамотой Минздрава награжден.

— Перестань торговаться, Врач, — раздраженно одернул Ангел, — в раю торг не уместен, в раю полное равенство. Хотите индивидуального благополучия, пожалуйста, обращайтесь в другое небесное ведомство. Индивидуализм, карьеризм, тщеславие, корысть, жадность — это их специализация. Ангел кивнул в сторону Хвостатого.

— Да, это к нам, — спокойно согласился Хвостатый, — но, как говорят: или ты раб Божий, или слуга сатаны. Выбирай. Если по-вашему — это как в бюджетной больнице работать

— НУ КАК ЖЕ ТАК? ПОДОЖДИТЕ, НУ, МОЖЕТ, ЕСТЬ КАКОЙ-ТО РАЙСКИЙ УГОЛОК? МОЖЕТ, КАК-ТО МОЖНО ДОГОВОРИТЬСЯ? Я БЮДЖЕТНИК, МНЕ ЛЬГОТЫ ПОЛОЖЕНЫ.

или в частной клинике услуги оказывать. Чувствуешь аналогию: раб — работать, слуги — услуги.

Доктор знал и чувствовал разницу. Ему нравилось в частной клинике, но бросить бюджетное местечко он не решался, и не потому, что не верил в частный бизнес, он сомневался в государстве.

— Для обоих случаев свои правила,— продолжил Хвостатый,— в первом: вы работаете и делаете полезное дело, делаете бескорыстно, и надеетесь, что Бог позаботится о вас. Вы снимаете с себя ответственность за свое благополучие, Вы возлагаете ее на Бога. Нормальная рабская философия. Заметьте, доктор, люди добровольно называют себя рабами Божьими. Но рабство поглощает душу. Вы начинаете обожать зависимость, бояться свободы и личной ответственности. Рабу не по силам принимать решения, он всегда обращается за помощью к Богу.

— На земле все точно также, ибо Бог творит земную жизнь по образу и подобию своему. Там, где Правитель считает себя богом, рабами правит государство. Казалось бы, ну и ладно, выбран особый путь, всем нравится, НО!!! — Хвостатый сделал паузу, подняв указательный палец,— когда вы, усталые от тупости и бездарности, обращаетесь за помощью и отцы-боги отказывают вам, вы обвиняете во всех ваших бедах Сатану, или тех, кто, по вашему мнению, ему служит, например, внешних врагов, ну, или своих конкурентов... частные клиники, например.

Врач вспомнил многочисленные совещания, где больницы просили денег, и подумал: «А ведь и прав, чертяга! Если государство не давало денег, государственные клиники обвиняли во всех грехах частников, тут же объявляли их источником всех бед и предлагали изгнать, отлучить, уничтожить... и смиренно ждали милости всемогущего...»

— Все верно, доктор. Единственная цель рабов не создавать хозяину лишних забот, трусость по-нашему. Люцеферу не нужны рабы. Ему нужны слуги, это эффективнее. В основе нашего контракта взаимная выгода, обмен.

— Да, да,— язвительно заметил Ангел,— чем больше больных, тем богаче врач. На горе человеческом, на болезнях наживаетесь.

— На здоровье,— поправил Хвостатый,— люди инвестируют в здоровье, платят за то, чтобы врач состояние болезни трансформировал в состояние здоровье. Это — существенная разница.

— Да нет! У нас вообще все не так,— Врач вмешался в спор

высших сил,— больных — да, много, но врач от этого не богатеет, наоборот, свое здоровье теряет, меня в пример возьмите...

— Вполне типичная ситуация для бюджетного ведомства,— иронично заметил Хвостатый,— а кто же тогда богатеет? Больной? Нет. Больные недовольны. Обвиняют врачей, да так остервенело, что могут и убить.

— И убивают,— скорбно согласился Врач.

— Вот именно, и убивают,— заметил Хвостатый. Это замечание было явно адресовано Ангелу.

— Может, богаче становится государство? Оно труды врача присваивает: «Государство обеспечивает бесплатную помощь»... Так же у вас говорят? Оно благоденствует?

— Нет,— замотал головой Врач,— Оно говорит: денег нет, дескать, держитесь, здоровья вам, удачи, но денег нет. Уже объявили, что в следующем году опять сократят расходы на 33%.

— А кто же тогда? Зачем система, которая не приносит ни богатства, ни благополучия, ни здоровья? Ни врачам, ни пациентам, ни государству. Никому!? Что скажешь, Ангел? Почему молчишь?

— А то ты не знаешь? — съязвил Ангел,— кто с вашей конторой заключил контракт, тот и зарабатывает.

— Главный врач, что ли?

— Нет. Если главный врач, то он на субподряде у наших контрагентов,— спокойно разъяснил Хвостатый.— Строители всех мастей и поставщики медицинского оборудования — это они зарабатывают деньги, выделяемые на бюджетное здравоохранение. Они для государства строят больницы — локацию, где вы, врачи, будете бескорыстно работать, молясь своему богу. И знаешь, чему я особенно удивляюсь, доктор? Это тому, как вы радуетесь новостям о выделении бюджетных денег на масштабное строительство очередного медицинского центра. Это хорошо, но чаще там ключевое слово не «медицинского», а «строительство», чувствуешь тонкую игру Бога?

— Что поделать, я клятву Гиппократа давал. Это мое призвание.

— Ой, вот только не упоминай всуе имя великого человека,— досадливо воскликнул Ангел,— клятва Гиппократа кому дается!?!

— Кому? Людям.

— Богам!!! А Вы клянетесь людям из своего Правительства. Поэтому и помогают Вам не Бог, а Правительство — Министерство здравоохранения. А это вон,— Ангел повернулся и опять кивнул в сторону Хвостатого,— их ведомство курирует.

— Тоже ваши? — удивился Врач.

— Аха,— Хвостатый развел руками,— ну, а что, нормально живут люди: квартиры, служебное авто, работа не пыльная, денежная. Не жалуются. Ты же работал по совместительству в частной клинике, вот и они двум небесным ведомствам служат, а где больше платят, там и работы больше делают, все по-честному.

— Что же касается Гиппократа,— усаживаясь поудобнее, продолжал Хвостатый,— то он тоже больше наш. А вот Асклепия мы проиграли вчистую. Даровитый парень был. Казалось бы, простой смертный, но с перспективой карьерного роста, талантливый и ужасно жадный до знаний. Они,— он склонил голову в сторону Ангела,— за выдающиеся заслуги врачевания ему государственную премию дали, в виде бессмертия, и звание бога присвоили, это как академик РАН, по-вашему. И все, нам вроде и крыть нечем.

— А что с Гиппократом?

— Гиппократа нам удалось убедить. Он отказался от сакральной медицины. Смелый поступок по тем временам. Считалось, что болезни даются богами, а значит, излечить их могут только боги. Если человека поражала болезнь, его тащили в божий храм, совершали ритуал, больной исповедовался, и бог решал, что делать. Такая была тактика лечения. Целители служили богам, а не людям.

— Гиппократ осмелился сказать богам: парни, нет, не надо никуда никого тащить. Человека должен лечить человек, а не бог. Лечить здесь, дома, у постели больного. Гиппократ перенес ответственность за лечение с богов на людей. Запомни: только человек, способный взять на себя ответственность за лечение больного, может называть себя врачом. Нет врачей среди тех, кто перекладывает ответственность на Бога.

С тех самых пор врач и стал вмешиваться в планы Бога, а Гиппократа нарекли отцом медицины. Так что, суди сам, кому ты больше служишь, Врач, и не важно, в государственной ты клинике работаешь или в частной.

Ангел молчал. Врач не знал, что сказать. Он чувствовал, что Хвостатый прав, но это же Черный ангел, и поддержать его,— значит предать своего Хранителя.

— А знаешь, я согласен. Мой коллега выучился на УЗИ. Я ему говорю, ты хоть диагнозы и ставишь, но лечение не назначаешь, ты — не врач! Чуть до драки не дошло. А теперь понял — я прав. Он — хороший человек и УЗИ хорошо делает, грамотно, но не врач. Ответственность за лечение не берет, перекладывает — не врач.

ЗАПОМНИ: ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК, СПОСОБНЫЙ ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛЕЧЕНИЕ БОЛЬНОГО, МОЖЕТ НАЗЫВАТЬ СЕБЯ ВРАЧОМ. НЕТ ВРАЧЕЙ СРЕДИ ТЕХ, КТО ПЕРЕКЛАДЫВАЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА БОГА.

* Для справок * Для справок * Для справок *

Хвостатый одобрительно улыбнулся. Под его красноречивым взглядом Врач почувствовал, что он почти зачислен в отряд темных сил. Врач посмотрел на Ангела. Ангел безразлично молчал.

— Ну, раз так, — подумал Врач, — почему бы не узнать об условиях контракта. И что же Вы пообещали Гиппократу? Как вы его купили? Какие Вы предлагаете условия? Хорошего врача купить нелегко. Дорого.

— В мире много хороших врачей, они сверкают, как метеоры! Вспышка!!! Вжжжиик!!! И все... Хороший врач всё приносит и уносит с собой. Умирает врач, угасают его знания и молва о нем. Гиппократ хотел славы в веках. Для этого хорошему врачу нужны последователи. Последователи, доктор, это глубоко убежденные в Вас люди. В их глазах, в их сознании Вы должны многократно превосходить окружающих. Многократно! И здесь без тщеславия не обойтись.

— Тщеславие — это порок, — внезапно прервал молчание Ангел, — всем людям давно известно: от пороков человеческих гибнет мир, тьма спускается.

— Не наводите жути, коллега, — поморщился Хвостатый, — хотя, отчасти Вы правы. Здесь все от качества продукта зависит. К примеру, тщеславие: наивное, вздорное, излишнее, слепое, — такое тщеславие никуда не годится. Но есть тщеславие — крупное, страстное, сатанинское!!! Гиппократ такое и приобрел, и я вам таки скажу, оно того стоило...

Хвостатый сделал паузу и лукаво улыбнулся, почесав затылок.

— Правда, была еще одна хитрость. Дело в том, что все труды врачей того времени, которые ныне хранятся в Александрийской библиотеке, не имеют подписи. Не принято было в те времена подписываться, считалось, что это знание богов. Так вот, я все эти труды в одну папочку собрал и подписал: «Корпус Гиппократа», чем и закрепил величие своего подопечного. И вот результат: каких еще врачей того славного времени вы знаете? Никого. Мало кто из врачей об Асклепии вспомнит, разве что посох его узнают, а он, между прочим, бог медицины. Гиппократа знают все, даже дети! Я обеспечил ему бессмертие. Таковы были условия нашего контракта.

— И что же, боги просто так сдались? Какой был ответный ход?

— Что ты!!! С этого борьба только и началась. Например, Гиппократ говорил о целостном подходе к лечению человека. Утверждал, что невозможно лечить только почки, сердце или легкие. Его в этом цитировал сам Платон, 207 строка Платоновского корпуса, почитайте, доктор. Боги же в ответ обожествили

узких специалистов. Они внушили людям, что нефролог, кардиолог и пульмонолог лучше разберутся в болезнях человека, чем врач, обладающий общими целостными знаниями.

— Я тоже так считаю,— бодро возразил Врач.

— Считал,— поправил его Ангел,— если быть боле точным — считал...

— Ну да, наверное, уже считал... раньше... — мажорное настроение моментально перевернулось. Внутри стало отчаянно пакостно и безнадежно, леденящая тоска опять заполнила все тело...

Слова Хвостатого и Ангела летели мимо ушей. Они спорили о врачебных ошибках, о цене жизни, о небрежности ученого, которая подарила миру идею об антибиотиках, о том, чье ведомство должно курировать аборты и эвтаназию, и о многом, многом другом...

Сознание Врача пустело. Ничего не имело смысла. Уже ничего.

Врач исчез. Ангел и черт переглянулись. Как это? Что такое могло там случиться? Кто вмешался в планы Бога?

VERTE...

Мертвый холод рассеялся. Она сидела у постели и держала его руку в своих ладонях...

Прижимала к губам, согревала дыханием... Не отпускала, боялась отпустить...

Он снова увидел ее... ее глаза, слезинки... родные и близкие... он думал, что уже никогда... он отчаялся...

А она нет, не сломалась, не бросила, не сдалась. Она вступила в спор с Богом... и победила.

Он сжимал ее пальцы, чувствовал тепло ее рук — это значит, она победила. Победила в споре с Богом!!! В споре с Богом за него, за своего, за любимого... Она никому не хотела его отдавать, ни Богу, ни Дьяволу. Никому.

— Благодари Президента... Он помог, всю оставшуюся жизнь на него молиться буду... Мой вопрос на ОНФ отобрали... на прямой линии Путину... самолет послали...в Москву привезли... лекарства нашли... лечить стали... и ты, и ты вернулся... из комы из своей дурацкой...

Слова сквозь слезы соскакивали и никак не могли выстроиться в стройное предложение... Целовала глаза, лоб, губы, щеки, руки... Торопилась, она жадно торопилась быть счастливой...

— Не уходи больше, пожалуйста, не уходи..., прошу тебя, не оставляй, борись... ты сильный...

— Я постараюсь,— шепотом, на который хватило сил сказал Врач,— я постараюсь, но я врач, я Богу служу, а у Бога свои планы...

VERTE...

Хвостатый и Ангел молчали. Решили подождать. Он же в федеральные клиники попал. Без полиса. Иногородний. Денег нет. Семья не соберет. Откуда? Врачи в трех поколениях. Значит, скоро вернется. Сейчас журналисты тему горячую отработают, рейтинги новостей на убыль пойдут, и вернется...

— Твой ход, Ангел, поторопи там своих,— устало попросил Хвостатый,— дел полно, и так застряли. Судья нервничать будет. Он не любит задержек, у него рыбалка, охота, пятница же...

— Да идут уже... Вон и Паромщик едет...

VERTE...

В палату вошли трое в белых халатах. По виду врачи. Каталка.

— Так, этого забирайте. Иногородний. Переводим. Палату помойте, проветрите, постель поменяйте. У мэра столицы уже через час прямая линия с народом заканчивается. Он тоже там людям помогает, другого клиента ждем. И постельное белье — синее, на окне цветы, тюльпаны, как пресс-служба в райдере указала, и освещение поправьте, бликует... Жизнь — игра, и не люди ее играют...

Game over. Партия.

Рассказ №2

ШАРАШКИНА БОЛЬНИЦА. ПРОЕКТ 2030

Медицинское заключение серия 20 № 1545021

Дата __/__/__ Подпись_____

ЭТО БЫЛО РЯДОВОЕ ЗАКРЫТОЕ СОВЕЩАНИЕ. За огромным круглым столом золотого зала, сверкающего своим великолепием, собрались люди, которые решали судьбы общественных масс. Совещание длилось уже почти два часа и многим порядком надоело.

Оставался последний вопрос, скучный и обыденный — сколько врачей должно сидеть в тюрьме.

— Кто выступает? Пожалуйста, доложите суть вопроса,— сухо объявил Председатель,— только кратко, пятница, у всех дела, сами понимаете.

— Сегодня мы абсолютно точно знаем причину всех неудач реформ здравоохранения — это врачи,— без лишних вступлений начала докладчица в черном костюме и элегантных очках,— государство потратило миллиарды рублей на совершенствование здравоохранения, но вредительская деятельность врачей свела под ноль все наши благие начинания. Это послужило основой для создания нового инновационного государственного проекта «Медицина 2030». В рамках этого проекта мы планируем увеличить обязательства врачей, в основном, за счет уменьшения их прав. Чем больше обязательств несет врач, тем он больше отдает себя отечеству, с большей преданностью служит людям...

— Это всё понятно,— перебил Председатель,— разве по этому поводу у кого-то есть еще возражения? Зачем Вы нам это вещаете? Врачи должны сидеть в тюрьме — это вопрос решенный. Остается лишь уточнить детали: сколько врачей необходимо сажать в тюрьму, каких врачей? У вас есть четкие плановые показатели?.. кстати, те, которые уже в тюрьме, как они? Как трудятся? Какие удалось создать отделения?

Вопрос, немой паузой, повис в воздухе. Участники совещания были погружены в свои смартфоны: читали, писали, оно и понятно — пятница обязывает. После некоторого замешательства к микрофону все же подключился брутальный мужчина в черном костюме с прической as Bruce Willis.

— Эффективность любой трудовой деятельности общественных масс, пребывающих в наших государственных учреждениях ФСИН, значительно выше, чем эффективность труда за его пределами. Так, в секторе производства товаров народного потребления мы опережаем предприятия, работающие за периметром, по всем экономическим показателям. Главное, мы легко можем увеличить рентабельность в два — три раза, а это очень важный потенциал для нашей страны, которая находится под давлением санкций международного сообщества.

— Давайте проще,— поморщился Председатель,— говорите яснее, здесь все свои: в тюрьме народ работает лучше, чем на свободе. Для нас такой труд более эффективный. Вы это хотели сказать? — Докладчик кивнул.— Теперь поясните: денег нет, как Вы доходность в медицине в три раза собираетесь поднять? Почти все расходники — импортные, аппаратура — импортная, цены на импорт растут, как?.. Только не морочьте мне голову импортозамещением, переклейка этикеток не считается.

— Только у нас и можем,— бодро сообщил докладчик ФСИН,— все просто: повысим эффективность за счет оптимизации затрат. Мы легко и быстро можем убрать оплату за труд. Совсем. Еда у них есть, место для сна и отдыха тоже есть. Им не нужны деньги, они работают в государственных учреждениях, на государство, а не на себя или на какого-то там «частника». Служить людям — это их долг, пусть служат, они обязаны служить. К тому же это патриотично.

— Патриотично,— задумчиво повторил Председатель, кивая головой,— хорошая концепция, я надеюсь, с их стороны возражений нет?

— Никак нет. Среди медиков, отбывающих в системе ФСИН, возражений нет. Никаких. Наоборот, говорят, что рады служить и работать на наше государство. Рабочий день свой они

начинают в шесть утра под звуки гимна и речёвки «Слава труду, спасибо за еду, стране нашей слава», а на отбой идут с песней «Наш рулевой» — это песня о счастье. И так каждый день. Мы за этим строго следим.

— Из недовольных только те, кто остался за периметром. Особо борзые, кто работает в медицинском бизнесе и до сих пор под дурманом 90-х пребывает, когда свободу налево — направо раздавали...

— За периметром — это те, кто на свободе? — прищурившись, уточнил Председатель,— они возмущаются? А ваши подопечные, которые в тюрьме, значит, довольны и счастливы? Так получается?

— Так точно, у нас жалоб нет — значит, довольны и счастливы. А чего им жаловаться, мы их содержим в отличных условиях. Все четко, по расписанию. Подъем. Работа. Сон. Режим труда и отдыха соблюдается идеально. На высочайшем уровне рабочая дисциплина. Мы организовали строгий контроль за исполнением всех профессиональных стандартов, порядков, регламентов и инструкций. В отличии от врачей, работающих за периметром, у наших врачебные ошибки практически отсутствуют. Малейшие нарушения — молниеносное наказание, принимаем решение сразу на местах. Нет нужды тратить время, государственные деньги на расследования и суды. Никакого сутяжничества. Работаем очень эффективно.

— Понятно,— ухмыльнулся Председатель,— самосуд чините.

— Никак нет. Решение принимаем коллегиально. Комиссия в составе трех ведущих медицинских экспертов. Все обвинения — объективны и обоснованы. Ошибки экспертов исключены. Они — наши, штатные. Мы им платим достойную зарплату.

Председатель улыбался, ему нравилась эта новая социальная стратегия — медицина тюремного типа.

Может, на первый взгляд это и звучало как-то не благозвучно, но в системе здравоохранения наконец-то за многие годы наметился явный прогресс. Председатель был доволен. Проект «Медицина 2030» приносил позитивные результаты, и все же он пытался найти в нем изъяны.

— Ну, хорошо,— перебил он оптимизм выступающего,— а насколько профессиональны Ваши подопечные? Вот скажи, медицина тюремного типа может оказывать высокотехнологичную медицинскую помощь? Как у вас обстоят дела с инновациями? Протонный центр потяните?

— Здесь есть проблемы,— согласился докладчик ФСИН,— кадровый голод препятствует развитию. В 90-х годах к нам одна

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ УЛЫБАЛСЯ, ЕМУ НРАВИЛАСЬ ЭТА НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ — МЕДИЦИНА ТЮРЕМНОГО ТИПА.

✻ медицинская ✻ организация ✻ для справок ✻

гопота поступала, а что нам с ними было делать? Только ватники шить, да двери делать — кадровая деградация. Медицина — дело сложное, для нас пока новое, для высоких технологий нам Королевы, Стечкины да Фишманы нужны. Мы уже разместили кадровую заявку нашим партнерам. Ожидаем поступления. Сразу начнем работать. Интересных задумок много, думаю, со временем потянем и протонный центр, к тому же я слышал, за периметром открывается какой-то частный, пусть пока строятся, обучаются.

— Это верно, — согласился Председатель, — кадры решают все. Ну, а что по этому вопросу скажут Генеральный кадровик и кадровый комитет? А? Партнеры? Только, умоляю вас, не толкайтесь и не ссорьтесь, одно общее дело делаем. И не перебивайте друг друга, давайте по очереди, сначала генеральный, пожалуйста...

Микрофон включил коренастый, уже достаточно немолодой, но в хорошей физической форме мужчина, в черном костюме, в очках...

— Наш сектор ответственности — поликлиническое звено. За стационарных врачей отвечает кадровый комитет. Мы работаем полным ходом. В активном режиме обзваниваем граждан, собираем жалобы на врачей, формируем из них доносы. Для ускорения процесса мы разместили своих агентов прямо в поликлиниках. Отбор кадров ведем по списку заданных специальностей и квалификации.

— Это Вы по-деловому, — восторженно похвалил Председатель, — оперативно сработали, молодцы, залезли прямо в логово, прям в пекло вредительства, молодцы!!! Ну, а что медики? Как отреагировали на то, что вы их, так скажем... по горячим следам... Возмущались? Как СМИ? Как народ? Препятствий нет?

— Официальных жалоб нет, все хорошо. Наши подведомственные СМИ отработали как надо, благодарим за службу. Народ на нашей стороне. Все уже без лишних слов знают: врачи — это зло, вредители, а зло надо наказывать, вредителей искоренять. У нас уже очередь из патриотично настроенных граждан, желающих очистить медицину от вредителей. Пишут, строчат, стучат, стараются.

— Ну, а врачи,.. а что врачи, — генеральный кадровик пожал плечами и небрежно махнул рукой, — простые клавешетыкатели, шушукаются между собой в соцсетях, да на профильных сайтах своих... ай, да кому они там нужны, пусть забавляются... ничего серьезного, на свое досье больше наскребут. У нас все под контролем.

Генеральный кадровик докладывал мягким тоном, с неким пренебрежительным спокойствием, но в его голосе чувствовалась явная бравада властными возможностями. Он держал контроль.

— В поликлиниках препятствий нет, размещаемся спокойно. Вроде кто-то из медиков возмутился, сказал: «Зачем пришли, давайте тогда врачей в клетки посадим...». Странные люди,— ухмыльнулся генеральный кадровик,— мы за этим и пришли, конечно, посадим, сейчас отберем, кого надо, и посадим, зачем торопить-то. В общем, жалоб нет. Да и кому они на нас будут жаловаться, все в теме, проблем нет. Да, я думаю, и в частных клиниках возражений не возникнет. Страна в кольце врагов, какие могут быть здесь возражения? Отказались — значит, против нашей страны работают, есть что скрывать, автоматически считаем этот факт доказанным,— организацию закрываем, кадры «упаковываем» оптом.

— Кстати, пользуясь случаем, хочу поблагодарить Министерство, которое медиков курирует, очень активно с нами сотрудничает, помогает, подсказывает, обучает, оказывает экспертную помощь,— генеральный кадровик учтиво кивнул в стороны дамы в черном костюме и элегантных очках.

— Вы уж нас извините,— учтиво обратился к даме Председатель,— мы Вас прервали, можно сказать, на полуслове. Хотите продолжить?

— Спасибо за оценку нашей работы,— дама улыбнулась, ей было приятно, что ее заслуги отметили в кругу столь уважаемых людей,— считаю, что по сути уже все изложено. Мы по мере сил стараемся вносить вклад в наше общее дело. Я хотела бы отметить, что в интересах врачебного сообщества мы проводим огромную работу по плавному переходу здравоохранения на модель «Медицина 2030». На свободе мы создаем для врачей практически такие же условия, в которые они скоро попадут за периметром. Это делается исключительно для того, чтобы врачи без стресса сразу смогли активно включиться в работу.

На этот раз Председатель внимательно слушал и одобрительно кивал в знак поддержки слов докладчицы. Всем остальным участникам совещания было откровенно скучно. Все подряды на реализацию этого нового медицинского проекта уже были поделены... Что еще обсуждать? Не понятно, да и не интересно. Однако они терпеливо сидели, молчали, вероятно, из уважения к Председателю... а может, и из-за страха перед ним, уж больно ему нравился этот проект медицины будущего.

— Врачебное сообщество готово к переходу на модель медицины тюремного типа,— продолжила дама,— большая часть врачей уже служит в государственных медицинских учреждениях, и они хорошо знают, что такое административно-командная система управления. Они приучены без обсуждений и возражений выполнять любые команды. Если наш приказ противоречит закону или даже здравому смыслу — они все равно будут выполнять наш приказ. Беспрекословно. Мы достигли в этом плане безупречной лояльности. Мы отучили врачей от принятия самостоятельных решений. Все их действия — строго по утвержденному нами стандарту.

— Врачи натренированы на интенсивный режим работы. Мы прививаем им отвращение к деньгам. Большая часть наших врачей убеждена в том, что оказание медицинской помощи — это НЕ профессиональная услуга за деньги, а долг врача перед государством, которое его любит и заботится о нем. Мы приучили врачей к оскорблениям и побоям, они уже стали воспринимать это как неотъемлемую часть своей профессии.

— Мы почти убедили врачей, что внутри периметра они будут чувствовать себя комфортнее. На свободе их окружает опасность — мы имеем ужасающую статистику нападений на медицинских работников. Внутри периметра они будут под круглосуточной охраной — это обеспечит высочайший уровень защищенности врача. Мы считаем, что медицина тюремного типа изменит жизнь врачей только к лучшему.

— Интересно излагаете,— насмешливым тоном перебил даму Генеральный кадровик,— если ваши врачи уже такие какие нам надо, то зачем же нам их сажать за периметр? Мы тогда что, по-вашему, с кадровым комитетом зря не покладая рук трудимся?

— Вы этот скепсис бросьте,— резко оборвал его Председатель, и его тон не предвещал ничего хорошего,— я вам поясню. Когда врач работает на свободе, за его труд нужно платить деньги. Государство должно обеспечить условия, когда врач получает достойную оплату за труд. Но денег нет, и государство в этом виновато — так считают врачи. Эта вина возлагается на всех нас, потому что мы и есть государство. Возложенная на нас вина порождает наши обязательства и при этом дает врачам право требовать от нас исполнения этих обязательств. Хотите вы этого? Хотите вы, чтобы у вас забрали права и обложили обязательствами? Хотите или нет?

В зале воцарилась тишина. Слова Председателя повисли в воздухе. Он молча оглядел всех присутствующих и после

небольшой выразительной паузы мягким тихим голом произнес: «Вот и я не хочу».

— Поэтому ваша задача — возложить вину на врачей. Найдите, установите и возложите на врачей вину, как можно большую. Виновному врачу государство уже ничего не должно. Ровно наоборот — виновный врач должен государству. Вина порождает обязательства и забирает права. Помните: именно обязательства заставляют людей создавать блага для общества, и только наличие прав позволяет этими общественными благами пользоваться.

Слова Председателя рубили воздух, четкая энергичная речь обогащалась выразительной жестикуляцией...

— Для обеспечения экономического роста необходимо, чтобы обязанностей было больше, чем прав. Это — аксиома благополучия. Наша страна особая, у нас народу не нужны права, он не умеет их превращать во благо. Вспомните 90-е: всем рабочим государственных заводов дали равное право на бесплатные акции предприятия — это было реальное благо. Что из этого вышло? Пропили, продали. Акции скупили деловые барыги — проходимцы, и нам,— председатель обвел пальцем всех сидящих в зале,— порядка десяти лет понадобилось, чтобы у них эти акции отобрать. Хорошо, больницы тогда не приватизировали, а то бы мы сейчас врачебную массу в один кулак бы не собрали, пришлось бы с ними в демократию играть.

Мы не будем повторять ошибки. Народу нужны четкие приказы и обязательства, а не права и свободы.

Чем больше обязательств у общественных масс, тем больше прав, которые мы можем распределять среди эффективных бизнесменов, политиков, государственных деятелей, а ведь именно по их благосостоянию судят о богатстве нашей страны, возьмите хотя бы рейтинг Forbes.

Думаю, никто не будет спорить, что страна на международном уровне должна выглядеть благополучной, от этого зависит инвестиционный климат.

Председатель вопросительно замолчал. Никто и не думал спорить. Минутную паузу тишины нарушить никто не посмел даже своим одобрением.

— Хорошо, давайте подводить итоги,— успокоился Председатель,— есть вопросы, замечания, пожелания?

— Конечно, есть,— подключился к микрофону докладчик ФСИН,— я коротенько, их два. Первое — это пожелание: для интенсивного развития инновационного проекта «Медицина 2030» необходимо обеспечить кадровый поток врачей хотя

бы 2000 человек в год. Разумеется, это должны быть врачи, которые выполняют сложные и дорогостоящие манипуляции, нам нужны профессионалы. Прошу нашего партнера — кадровый комитет — ускорить эту работу. Из 1791 рассмотренных вариантов в прошлом голу к нам поступило только 175 — это явно недостаточный результат для нашей сети. Прошу учесть.

Председатель одобрительно кивнул. Махнул рукой, дескать, понял, продолжайте.

— Второе. Для ускорения процесса перехода на модель медицины тюремного типа предлагаю часть действующих федеральных медицинских учреждений перевести на баланс нашего ведомства. Хотя бы те, где сейчас проходят обыски. Обнесем их колючкой, вышки поставим, режим установим, кадровый комитет подготовит массовый перевод персонала — и все, готово. Быстро, эффективно, целесообразно.

— А что, на зоне, или, как ты говоришь, за периметром, слабо медицинский центр построить? — язвительно заметил Председатель.

— Кому? Нам слабо? Да Вы моей сауны просто не видели,— обиделся докладчик ФСИН.

— Ну тогда и соображай,— опять перешел на крик Председатель,— проволкой готовые медицинские учреждения обнести — это от силы миллиардов десять, а вот новые медицинские центры строить — это триллионы рублей строительных подрядов!!! Понял? Целесообразно ему. Ты, я смотрю, о людях совсем не думаешь?..

... В дверь комнаты, где люди в черном собрались за круглым столом, тревожно и громко постучали... Затарабанили, стали долбить кулаками и ногами. Дверь, надежно подпертая шваброй, заходила, зашаталась, но не поддалась... Собравшиеся засуетились и в панике стали сдергивать с себя черное одеяние — большие черные мусорные пакеты... импровизированные микрофоны, смартфоны, «золотая» скатерть «круглого» стола — всё молнией сметалось под кровать...

— Открывайте немедленно, я требую,— слышался за дверью отчетливый голос главного врача.— Опять эта шестая палата! Ну сколько можно! Я же просил Вас, Владимир Владимирович, голубчик, ну разгоните Вы их по изолированным отделениям, поместите в палаты без дверей, под строгое наблюдение. Они нуждаются в изоляции. Вы же видите, их психическое состояние ухудшается...

Рассказ №3

ТЮРЬМА И СУМА. ВСЁ ДЛЯ ТЕБЯ, ВРАЧ

Медицинское заключение серия 18 № 1363590

Дата __/__/__/ Подпись_____

Врач — гематолог, Елена Мисюрина, провела медицинскую диагностическую процедуру тяжелобольному пациенту в целях оказания ему (пациенту) медицинской помощи. Через некоторое время тяжело больной пациент умер. Было возбуждено уголовное дело (!). Расследование причины смерти длилось пять лет(!). Следствие установило: смерть пациента наступила в результате оказания медицинской услуги, проведенной врачом Еленой Мисюриной. Врач, даже под давлением следствия, вину не признала. Дело передали в суд.

Московский суд вынес решение: виновна. Лишение свободы на два года. Взята под стражу в зале суда. Реальный срок. Врач в тюрьме. Здесь должен быть гулкий звук колокола. Январь 2018 года проводит черту между «до» и «после», черту для всего медицинского сообщества.

Детали дела Елены Мисюриной и его абсурдность широко обсуждаются в социальных сетях врачебным сообществом. Эти обсуждения и сопутствующие комментарии экспертов отражены практически во всех интернет — СМИ. Но уже поздно. Это случилось.

Есть факт: по решению суда врача посадили за смерть пациента, которому она оказывала медицинскую помощь в рам-

ках своей профессиональной деятельности. В основе обвинения статья 238 часть 2 УК РФ «Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекших смерть пациента». За профессиональную деятельность врач в тюрьме. С января 2018 года для врачебного сообщества в России началась новая эра отношений.

В ней будут новые правила игры. Врачам и пациентам целесообразно об этом «думать наперед», прочитать эти правила будет невозможно, они будут негласными, неписанными.

Вот примерный ориентир:

1. Никакие документы, оформляемые врачом и медицинской организацией: договора, информационные согласия, предупреждающие пациента о возможных осложнениях, при проведении медицинских услуг, теперь НЕ спасут врача от тюрьмы. Никакие. Вероятность риска оказаться в тюрьме прямо пропорциональна риску осложнений от медицинской услуги. Если врач приступил к процедуре — он одной ногой в тюрьме. В этих случаях наиболее безопасная для врача тактика — смерть пациента от болезни до медицинского вмешательства. Врач предпочтет, как можно дольше не вмешиваться в дела Бога.

Второй вариант, обеспечивающий безопасность врача,— добровольный отказ пациента от лечения. Как оформить документы, как зафиксировать устный отказ от лечения и т. п.— вероятно, всему этому в ближайшее время медицинские юристы будут учить врачей и руководителей клиник. Возможно, кто-то из пациентов думает, что это его не коснется, он такое никогда не подпишет. Ошибаетесь, вы даже не заметите этого.

Для врача будет безопаснее отговорить пациента от лечения. Решающую роль будет играть цена медицинского вмешательства. Именно цену гонорара за лечение врач будет соотносить с риском потерять свободу. Косметологическая операция — да, возможно, того стоит. А вот подумайте, зачем врачу убеждать пациента прививать ребенка, если он знает, что осложнения от прививок могут стоить ему, врачу, свободы? Какова цена риска? Оклад по ОМС? Вот видите, не зачем.

Если кто-то из пациентов думает, что это его коснется, то следует понимать, что не привитый ребенок может в любой момент стать источником опасной инфекции для целой группы других детей, среди которых могут быть и дети следователей и судей. Вы не сможете этим управлять.

2. «Это меня не коснется»,— думают многие врачи. Ошибаетесь. Статья 238 часть 2 УК РФ: оказание услуг, не отвечающих

требованиям безопасности, предполагает тюремный срок до шести лет, если оказанные услуги повлекли не только смерть человека, но и причинение тяжкого вреда здоровью. Что такое «тяжкий вред здоровью» определяют правила, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 17.02.07 №522, пункт 4. пп. «а» квалифицирующие признаки тяжкого вреда. Прочтите, это любопытный список. Вам станет ясно, что любой врач, контактирующий с живыми пациентами, может причинить тяжкий вред здоровью. Под ст. 238 ч. 2 УК РФ попадают все. Если Вы — врач, то чемодан следует держать всегда собранным.

Пациентам следует понимать, что врачи всех «живых» специальностей предпочтут тактику ожидания естественного исхода заболевания, то есть, положась на волю Божью. С этим пациенты столкнутся чаще и больше, чем им кажется.

3. Более безопасным для врача будет оказание медицинских услуг без оформления каких-либо документов. Нет документов — нет факта оказания медицинской услуги. Общеизвестно, бремя доказательств в уголовном праве ложится на следственные органы. Тактика врача: не видел, не я, не делал. Нет медицинской, нет бухгалтерской, нет трудовой документации — нет доказательств. Чем меньше документов, тем выше шансы врача остаться на свободе. За отсутствие документов в тюрьму не сажают, а вот на основе документов дают реальный тюремный срок.

Пациентам следует помнить: абсолютно любое, даже немедицинское вмешательство в человеческий организм небезопасно и может попасть под определение «не отвечающее требованием безопасности», например, секс без презерватива — заразил — заболел. Однако, здесь как раз можно не беспокоиться, секс в России не входит в классификатор услуг. Секс-услуг в России нет. Поэтому нельзя посадить в тюрьму, если секс-услуги причинят вред здоровью. Чувствуете тренд: также будет и с медицинскими услугами: они как бы будут, но как бы и нет. Так безопаснее. А еще такие услуги, которых как бы нет, удобнее и «богаче» «крышевать» людям из системы «правосудия».

4. Безупречное выполнение медицинской манипуляции и соблюдение стандартов не спасет врача от тюрьмы, если только он не докажет бессмысленность ее проведения, то есть тот факт, что осложнения, утяжеление заболевания, либо смерть возникли бы и без этой процедуры. Между этими событиями не должно быть связи. Как это не парадоксально, но чем меньше будет информации о влиянии медицинской про-

В НЕЙ БУДУТ НОВЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ. ВРАЧАМ И ПАЦИЕНТАМ ЦЕЛЕСООБРАЗНО ОБ ЭТОМ «ДУМАТЬ НАПЕРЕД», ПРОЧИТАТЬ ЭТИ ПРАВИЛА БУДЕТ НЕВОЗМОЖНО, ОНИ БУДУТ НЕГЛАСНЫМИ, НЕПИСАННЫМИ.

организациям здравоохранения ОПЛАЧЕНО

цедуры на организм, тем сложнее ее будет применить против врача. Хотя с другой стороны, для правосудия достаточно мнения правильных экспертов, они тебе хоть какую связь найдут.

Средние века. Ведьм казнили за вербальное воздействие на человека (колдовство), приведшее к смерти или болезни. И тогда тоже был суд и правильные эксперты, и это были уважаемые люди, и вину в суде доказывали. В чем отличие?

5. Обратите внимание! Осложнения случаются в практике многих врачей, но в тюрьму садят далеко не всех. Елена Мисюрина — хороший врач, профессионал, но ее уголовное дело доведено до тюрьмы, это показывает — не важно, кто ты, не важно, кому ты проводил процедуру, не важно, как проводил, не важно, что бывают осложнения и ты об это предупреждал — это не важно. Есть осложнения — тюрьма, а может и нет. Это как следствие пойдет, как суд решит.

Что это? Говоря языком маркетинга,— это и есть уникальное торговое предложение от органов правосудия врачебному сообществу.

Свобода человека относится к категории высших ценностей, а значит, обладает высокой ценой. Теперь этим можно торговать, а значит, этим будут торговать. Покупатель — врач. Покупать врач будет свободу. Продавцы — пациенты, юристы, эксперты, чиновники, следователи, прокуроры, судьи. Продавцов много. Врачу покупать свое право на свободу придется у всех. Многократно. Для этого врачу понадобятся деньги. Совершенно очевидно, что по страховке профессиональных рисков взятки не платят, нужны «черные» деньги. Где их брать? Подумали? Прикинули? Правильно, там и будут брать.

Предполагать, что система правосудия в конфликтах «врач — пациент» будет склоняться к гражданским процессам, на мой взгляд, не стоит. В них правосудие зарабатывает гораздо меньше, там деньги в основном пациенту достаются, либо его представителям. Совсем другой «бизнес-расклад» в уголовном процессе.

«Врач должен сидеть в тюрьме».

На этом пути точка невозврата пройдена. Врач в тюрьме. Даже если врачебному сообществу удастся отстоять врача Елену Мисюрину, и в кассации приговор отменят, то это для продавцов свободы лишь повысит уникальность торгового предложения (УТП): вот видите, скажут они, суд по-разному может решить.

Возможно, пройдет работа над ошибками: зря за «большого» врача взялись, и по-тихому, по статье 238 часть 2. УК РФ осу-

дят еще с десяток «маленьких» врачей, не московских, не известных, за которых заступиться некому, таких как в Тюмени и Липецке. Медийное врачебное сообщество промолчит, мол неизвестно, кто такие, сами виноваты, непрофессионалы. Решение закрепится в судах. Так как дела «маленьких» врачей будут вести «маленькие», но гордые юристы, то они проиграют их во всех инстанциях, вплоть до Верховного Суда. Вот тогда можно будет и «больших» врачей брать. Большой врач — большие деньги.

Кто защитит врача?

Елена Мисюрина живет в Москве, она хороший, известный, уважаемый врач. Ее окружение: друзья, коллеги, родственники, пациенты. Они способны привлечь внимание общественности. Это у них получается, они молодцы. Проснулся даже Московский профсоюз медицинских работников — выступил в поддержку. Депутаты Мосгордумы собрались рассмотреть обстоятельства дела — тоже результат. Это много и очень важно для хорошего человека Елены Мисюриной, но этого, увы, очень мало для Врача. Врача, у которого нет известной фамилии, больших профессиональных заслуг, живущего в глубинке, который каждый день принимает врачебные решения, способные повлиять на его свободу. Каждый день. Теперь — на свободу.

Это самое страшное в этой ситуации — у Врача нет сильного и влиятельного защитника. Врач уязвим и беззащитен. Он зависит от всех. Каждый может сделать с Врачом все, что захочет. Защитить Врача некому. Никто не встанет на защиту Врача. Куда Врачу жаловаться, кому писать, кого просить о защите, на кого надеяться?

Родное ведомство, Минздрав?

Минздрав — нет, он не представляет интересы врачей, он эксплуатирует врачебное сообщество в интересах государства. Это вполне естественно, Минздрав — структура исполнительной власти. По делу Елены Мисюриной Минздрав хранит молчание. Вероятно, ждет команды или реакции сверху. Вертикаль власти. Она молчит — молчит Минздрав. Дисциплина.

Национальная медицинская палата, которая, по мнению ее лидера Леонида Рошаля, самое многочисленное и влиятельное сообщество врачей и медицинских организаций, почему она молчит? Возможно, потому, что Елена Мисюрина не является членом НМП и не платит взносов. А нет денег — никто за тебя заступаться не будет, ничего личного, чисто бизнес. Может,

потому, что НМП встроена в вертикаль власти и ждет согласования на реакцию? Может, потому, что НМП делит врачебное сообщество на своих (государственных) и чужих (частников)? Я не знаю. Но хранить молчание для медицинского объединения, претендующего на роль фронт-лидера врачебного сообщества, которое действительно имеет устойчивые административные связи — это плохо, похоже на предательство.

Что делать?

Мне кажется, на этот вопрос никто из врачебного сообщества не может дать ответ. Растерянность. Я не знаю. В тюрьме может оказаться каждый врач. Страшно представить, если в ответ на возмущения врачебного сообщества по делу Елены Мисюриной власть промолчит, еще страшнее, если займет позицию суда и озвучит ее до решения в кассации.

Выход один — консолидация. Объединение. Укрупнение.

Разрозненные общественные объединения должны научиться договариваться. Необходимо формирование массового профессионального общественного мнения. Дело Е. Мисюриной — это дело всего медицинского сообщества, каждого врача. Это вопрос нашей профессии. При любом исходе оно должно быть продолжено. Систему управления в медицине надо менять. Необходимо отказаться от принципов отраслевого государственного управления и перейти на принципы профессионального саморегулирования. Это мировая практика. Легко сказать, но трудно сделать — это правда. Это очень, очень, очень сложный процесс, но либо так, либо подчиниться принципам: «врач — потенциальный преступник». Выбор за нами.

P. S. Чем интенсивнее развивается медицинская наука и практическое здравоохранение, тем интенсивнее врач вторгается в человеческое тело, а значит, вероятность ошибок и осложнений возрастает. Об этом свидетельствует статистика причин смертности в США, где врачебные ошибки занимают третье место. Не умирают от врачебных ошибок там, где нет врачей. Может, мы идем по этому особому пути? Не хотелось бы.

#яеленамисюрина

Рассказ №4

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ. НОЧНАЯ ДЕМАГОГИЯ КЛАССИКОВ.

Медицинское заключение серия 26 № 2405809

Дата __/__/__/ Подпись_____

НОЧНОЕ ПЛАМЯ КОСТРА, наваристая уха под водочку и хороший друг, способный молча слушать — это, пожалуй, все, что нужно для задушевного разговора. Петька любил такие вечера, он считал, что это та самая совокупность условий, при которой в его голове рождаются умные мысли. А Василий Иванович любил рыбалку, и Петька был даже очень подходящей компанией. Во-первых, он никогда не мог наловить рыбы больше, чем Василий Иванович, а во-вторых, был болтлив и легко заменял ему радиоприемник.

— Василий Иванович, а ты за частников или за госов?

— Как это?

— Ну, лечиться в какую больницу пойдешь?

— Вот ты сейчас, Петька, нифига не прояснил.

— Эээ, какой ты темный, Василий Иванович, госы — это значит государственные больницы, а частники — это частные клиники, понятно?

— Буржуазные, стало быть,— строго уточнил Василий Иванович.

— Ну, типа того, ну так сейчас и государство у нас буржуазное, при капитализме живем, так сказать, в стабильных рыночных условиях.

— Ну да, ну да... Василий Иванович задумался, он не знал, что ответить, он не ходил в больницы, а если и приходилось, то шел ровно туда, куда жена говорила. Конечно, он предполагал, что, скорее всего, это были государственные. Супруга в напутствии своем говорила: платные услуги там запрещены, и поэтому деньги врачу надо лично платить, наличкой, по карточке никак, и сдачу не сдадут. Стало быть — государственные. Но с другой стороны, если деньги врач лично себе берет, это вроде как частный бизнес получается... Ну не знал он, что на этот вопрос ответить, для него любая больница была тем местом, куда ходить не стоило бы.

— А Путин куда? В какие он ходит?

— В госы, конечно, он же Президент,— не задумываясь, ответил Петька,— он, можно сказать, все эти больницы и создал.

— Ну, значит, и я за госы,— без капли колебания заключил Василий Иванович.

— Я думаю, он к ЦКБ прикреплен, те, кто в Кремле прописались, они все в ЦКБ прикреплены,— со знанием эксперта заметил Петька.

— Это как прикреплены? Путин? Владимир Владимирович? Прикреплен? К кому может быть Путин прикреплен? Ты что, совсем сбрендил? Прикреплен?!

— Ээээ, Василий Иванович, темная твоя голова. Поясняю: все граждане ЭРЭФ прикреплены к участковым поликлиникам, по месту жительства. Президент — гражданин России, значит, он тоже прикреплен к участковой поликлинике, по месту прописки. Может, он сначала и не менял прописку, ну думал, мало ли, как пойдет, но сейчас-то все утряслось, он в Кремле прописался и по месту прописки получает помощь в Центральной Кремлевской Больнице. Понятно?

Василий Иванович, который до этого слушал «в полуха», теперь отложил все свои дела и смотрел на Петьку во все глаза. Смотрел, как на идиота.

— Дурак ты, Петька, и несешь ерунду всякую. Как живые люди могут быть прикреплены? Это что тебе, имущество какое? Или ты не в курсе, что еще царь Александр II крепостное право отменил? Как ты вообще такое можешь говорить про Президента? Прикреплен! Ты еще скажи, что Сечин тоже прикреплен, аха, махом «корзинку с колбасками» в свой адрес получишь. Ей богу, дурак ты, Петька.

Слова были обидные, потому как Петька считал себя в этом вопросе экспертом, у него тетка родная в Минздраве работала. Однако он и сам не понимал, почему, если крепостное право отменили, земства ликвидировали, на дворе 21 век, эпоха развитого капитализма, людей по-прежнему прикрепляют к поликлиникам? Они, что, сами поликлинику не могут выбрать? Это их здоровье, личное, собственное, они сами за него в ответе, и сами вправе решать какому врачу его доверить. Почему кто-то решает за них? И по какому такому праву этот кто-то считает, что люди тупые и не способны самостоятельно распоряжаться своей жизнью? Но тетка, которая была не последним человеком в Минздраве, говорила: так положено. И Петька верил.

Но взгляд Василия Ивановича красноречиво говорил: бред! Петька, разлив по маленькой, методично продолжил разъяснения, перейдя на доказательства «методом от противного».

— Нет, ну а ты как считаешь, Президент до сих пор к Питерской поликлинике прикреплен? По-твоему, чтобы к узкому специалисту попасть, он что, сначала к своему участковому в Питер едет? За направлением? А потом по программе госгарантий десять, а то и тридцать дней в очереди ждет, чтобы анализы сдать или МРТ пройти? И на плановую госпитализацию полгода в очереди стоит? Или он, думаешь, доплачивает, чтобы побыстрее? Или вообще, как иногородний только за деньги медпомощь получает, ну или по ДМС?

— Зачем? Вот ты бы так делал, если мог в Кремле прописаться и обслуживаться по месту прописки в ЦКБ!!! Там тебе и специалисты, и диагностика, и без очередей, так сказать, на 100% государственная медицина — абсолютно все бесплатно. Ну, согласись, любой бы так сделал.

— Что значит на 100% государственная медицина? — ехидно заметил Василий Иванович,— она, Петька, или государственная, или частная, а так чтобы на половину, или на 20,5% — так не бывает.

— Это как сказать. Вот смотри, стоит государственная больница, и пришел туда за медпомощью большой государственный чиновник, скажем, министр здравоохранения, ну или замминистра...

— И что? Для таких близких к государству людей в государственной больнице все бесплатно, все без очереди — 100% государственная медицина. Чиновников мелкого ранга, клерка на незначительной должности в государственной больнице уже попросят доплатить, или через ДМС — и вот, пожалуйста, уже другая, скажем, 70%-ная государственная медицина. Для простых бюджетников процент государственной медицины еще ниже, скажем, 50%, для простых людей, которые в частных организациях работают, еще ниже, ну а если ты частник-пред-

приниматель, то для тебя процент государственной медицины вообще ноль-повдоль.

— Ну и правильно, государственная медицина, она для бедных, богатые пусть платят.

— Оно, конечно, так, пусть платят,— как-то печально вздохнул Петька,— богатый частник должен быть наказан рублем, чтобы не повадно было деньги зарабатывать, ибо все знают абсолютно точно — в частном бизнесе честных людей нет. Все честные люди только в государственных компаниях работают, например, Роснефть, Газпром, ВТБ, Сбербанк, РЖД... И вот, представь, попадает верховный руководитель госкомпании в государственную больницу, и пожалуйста — ему тоже 100% государственная медицина. А почему? А потому что государственная медицина не для бедных, она для близких к государству. Уловил суть, Василий Иванович?..

Василий Иванович распутывал сеть и задумчиво молчал. Он заправлялся на Роснефти, имел карту Сбербанка, летал Аэрофлотом, ездил по РЖД и вообще считал, что государственные предприятия — это и есть сила и мощь государства. Но еще жива была в памяти ситуация, когда его 75-ти летний родной брат, у которого не было собственной семьи, попал с инсультом в государственную больницу. Василий Иванович не мог его бросить в такой ситуации, родная кровь все-таки, и ему приходилось платить, всем платить... санитаркам, медсестрам, врачам. Это было не просто, брать деньги из семьи. Он не знал, что ответить жене, которая спрашивала: «Зачем ты платишь, это же государственная больница???»... «Хороший вопрос: зачем? Врачи угрожали выписать брата, и что тогда, куда его?»... На 14 день брат умер, и Василия Ивановича посетило чувство большого облегчения — слава Богу... и стало стыдно, нестерпимо стыдно за это чувство...

Не стал он Петьке отвечать. Молча выпил. Закусывать не стал. Не было слов.

— Так всегда было,— продолжал Петька,— государева аптека Ивана Грозного, аптекарский приказ, медицинская канцелярия Петра I, медицинская коллегия Екатерины II — все это государственная медицина, это и есть ее истоки и фундамент. Государственная медицина всегда служила венценосным особам, их семьям и ближайшему окружению, для того и создавалась. Содержалась за счет государственной казны. Доктора обучались наукам за границей, при жизни имели массу привилегий и вполне приличное жалование. Снабжение государственной медицины тоже было царским, в основном зарубежным.

Василию Ивановичу эта теория не нравилась, он считал, что государственная медицина создана для рабочих и крестьян, а не для царей. Он всем своим нутром это чувствовал, а словами доказать не мог, отчего в душе закипело.

— Вот нахрена ты веслом в сеть залез? — горячо выпалил Василий Иванович,— теперь вот сиди тут, распутывай за тебя, умный нашелся...

Других аргументов не было. Вопрос не требовал ответа. Петька продолжал...

— Как и сейчас, государственная медицина была по-разному доступной для всех сословий. Нужно было написать правителю челобитную-прошение, и, пожалуйста, правитель мог выделить деньги из государственной казны на дорогостоящие лечебные нужды. Людям зажиточным, но ко двору не приближенным, могли позволить заплатить за лекарства и услуги государственных врачей. Помещики содержали своих врачей — это как ведомственная медицина сейчас. Эти же врачи и холопов помещичьих лечили, разумеется, бесплатно или за малую плату. Холоп — имущество, а как тебе имущество заплатит-то? Имущество содержать надо.

— Ты слушаешь, смекаешь, о чем говорю, Василь Иваныч?

— Ерунду ты говоришь, Петька, е-рун-ду. Наша страна гордится медициной товарища Семашко. Красный нарком, ленинец, член РСДРП, большевик. Слыхал про такого героя революции?

— Конечно, слыхал. Николай Александрович Семашко, родной племянник товарища Плеханова. Впервые арестованный в 19 лет за участие в революционном движении, как бы сейчас сказали, по статье 282.2. УК РФ — организация экстремистского сообщества. Живи он в наше время, не сложилась бы у него карьера. К 1905 году ему целый букет статей маячил. Если по-нашему, это и ст. 280 УК РФ, и ст. 205.2., и ст. 205.4... и это еще в те времена Басманного суда не было. Сбежал. В Женеву. Там познакомился с Лениным, вошел в круг доверенных лиц. Был казначеем заграничного бюро ЦК РСДРП. Сам понимаешь, партийную кассу простому члену не доверят. Правда, говорят, в 1911 году с кассой сбежал. Темная история.

— Это которого Плеханова? Который дело Ленина предал, против Октябрьской революции пошел, мол, свергли царя, пусть буржуйское правительство остается, который к меньшевикам метнулся, этот — Плеханов? И он — родня наркома Семашко? — Василий Иванович поморщился.

— Да, он, Георгий Валентинович, основатель марксизма в России, но с Лениным не сошелся по вопросу всеобщего ра-

венства. Ленин говорил, что равенство — это когда нет богатых, а Плеханов, считал, что равенство — это когда нет бедных.

— Ну, и правильно Ленин говорил. Мы за равенство кровь проливали, а там, Петька, где кровь льется, богатству нет места. Идеалист был твой Плеханов, а Ленин — реалист. Он реальный путь к равенству указал, пусть бедные, но равные и сплоченные. Плечом к плечу. Понял?! Да и богатый человек — плохой человек, жадный, корыстный, лицемерный. Бедные люди — добрые.

— Ну да, добрые...

— И вообще, весь мир нам завидовал! Трудящиеся всех стран хотели у себя внедрить такую медицину, которую создал в нашей стране товарищ Семашко.

— От чего же не внедрили, раз хотели, раз она такая хорошая,— ухмыльнулся Петька.

— Ясно дело, капиталисты. Буржуйская идеология, навязала им рабское здравоохранение — страховую медицину...

— И что же здесь рабского? Человек свободен, это его здоровье, и он сам должен позаботиться о нем. Для этого ему дается надежный инструмент — обязательное медицинское страхование, пожалуйста. Только надо уметь им пользоваться.

— Чудак ты, Петька. Здоровье человека в нашей стране принадлежит государству. Это еще нарком Семашко сказал. Тело, душа человека принадлежит обществу, и только государство может правильно и квалифицированно позаботится о них. Это и есть государственный подход к здравоохранению. Понял, дурья твоя башка?

— Ну да, ну да... А ты, Василий Иванович, можешь представить себе зарплату нашего врача, ну скажем, анестезиолога, в 150 тысяч долларов в год?

— Почему в долларах? Это на рубли сколько в месяц?

— Около 750 тысяч, по нынешнему курсу...

— 750 тысяч? Зарплата врача? В месяц? — Василий Иванович хитро ухмыльнулся,— конечно, смогу, мы же с тобой уже, считай, по 0,7 на двоих осилили. Смогу!

— А 250 тысяч долларов в год?

— Ну, если под хорошую закуску, смогу и 250.

— А 350 тысяч?

— А разве такие бывают?

— Бывают. Бывают и больше...

Василий Иванович задумался, крутил и рассматривал стакан, примерял. Было видно, что он с разных сторон оценивал свои возможности...

— Нет, Петька, столько представить не смогу,— в воздухе повис дух разочарования,— здоровье уже не то. В твои годы

ЧУДАК ТЫ, ПЕТЬКА. ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА В НАШЕЙ СТРАНЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ГОСУДАРСТВУ. ЭТО ЕЩЕ НАРКОМ СЕМАШКО СКАЗАЛ.

✲медицинская✲организация✲для✲справок✲

смог бы, а сейчас — нет, не смогу... не рискну... А ты, это, к чему такие вопросы задаешь?

— В Америке такие зарплаты врачи реально получают.

— Ну, все верно! На здоровье трудящихся жируют, а бедные американцы помирают повсеместно.

— Ну да. Только в России в сравнении с США смертность больше почти на 35%, и это еще с учетом того, что там оружие в свободном обороте, и психи, периодически, людей пачками на улице расстреливают.

— Так я же тебе и говорю, убирать надо к чертям эту страховую медицину, довели страну, блин.

— Я, Петька, так разумею, раз уж у нас капитализм, то частные больницы должны быть для богатых, там все платно, а государственные для бедных, там все бесплатно. Мне кажется, это справедливо.

— Хорошо, ну а каких больниц больше должно быть?

— Ясень-пень, государственных. Частников вообще много расплодилось, на каждом углу, а зачем нам их столько?

— То есть, следуя твоей логике, бедных людей у нас в России должно быть больше, чем богатых? Наша страна — это что, страна бедных? И каждый раз, когда государство строит новую больницу, оно рассчитывает, что появятся новые бедные, а закрывая частную — исчезнут богатые. Так получается?

— Демагог ты, Петька. Наша страна — это страна социальной справедливости, равных возможностей и всеобщего благополучия, просто у нас врагов много, завистников, потому и кризис из-за них.

— И где же здесь равенство возможностей, если богатые не смогут получать медицинскую помощь за государственный счет, хотя платят налоги больше бедных? И где же здесь благополучие, если люди настолько бедны, что не могут заплатить за медпомощь. Только вдумайся, десятки, а то и сотни миллионов граждан в нашей стране не могут своим трудом заработать денег, чтобы их хватило на оплату медпомощи, даже на оплату медицинской страховки.

— При этом цена труда медицинского персонала у нас самая низкая в Европе, а то и в мире, не считая стран с первобытно-общинным строем — от 3,5 до 30 евро за консультацию, а на тендерных закупках медуслуг ее можно купить и за 80 евроцентов!!! Центов!!!

— Ты мне, Петька, мозги не пудри, я за равенство и справедливость.

— Ну хорошо, а сейчас для граждан России — где равенства больше: в частных клиниках или в государственных?

— Да сейчас везде бардак, нет ни равенства, ни справедливости.

— Ну а где больше?

Василий Иванович задумался, как будто бы в голове его производились сложные и очень точные вычисления.

— Думаю, одинаково,— резюмировал он,— только в частных больницах с богатых денег больше возьмут, чем с бедных. В государственных, наоборот, с богатого не возьмут, а с бедного стрясут по полной... хотя... могут и богатого раскрутить, если не блатной, конечно. Да и в частных с нужного человека денег не возьмут... наверное... говорю тебе, бардак везде.

— Это как же надо здравоохранение реформировать, чтобы в результате многолетних реформ все недовольные остались, и те, кто медицинские услуги оказывает, и те, кто медицинские услуги получает. И каждая реформа требует новой реформы. Вот как?

— Да. Здесь особый талан нужен.

Костер догорал. Водка выпита. Уха съедена. Слова все сказаны.

— Ладно, спать давай, а то зорьку проспим. Устроившись возле костра, Василий Иванович, подложил руки под голову, закрыл глаза, и моментально засопел.

— Да и то правда,— Петька тоже стал поудобнее устраиваться у костра, чтобы и тепло было, и штаны не спалить, как в прошлый раз... Мягкий сон стал приходить почти стразу....

— Ленина надо выносить...

— Василий Иванович, ты чего, куда выносить, кого выносить?..

— Пока не захороним по-христиански, ничего хорошего не получится. Проклятие на нас лежит Петька, проклятие.

Проклятие лежит. «А ведь хорошее всему объяснение», — подумал уже сквозь сон Петька,— общепримиряющее. Вот только не факт, что выносить надо, где еще такое объяснение найдем, пока дождемся...

Рассказ №5

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО

Подслушанная беседа о господдержке малого бизнеса. Действие в двух лицах.

Дата __/__/__ Подпись_____

Однажды пришёл цветочник к парикмахеру подстричься. Когда пришла очередь платить, парикмахер сказал: «Я не могу взять деньги. На этой неделе я стригу на общественных началах». Цветочник поблагодарил его и ушёл. На следующее утро, когда парикмахер пришёл открыть своё заведение, перед дверью он нашёл благодарственное письмо и двенадцать роз.

Затем пришёл подстричься пекарь, но, когда он хотел заплатить, парикмахер сказал: «Я не могу взять деньги. На этой неделе я стригу на общественных началах». Пекарь, довольный, ушёл. На следующее утро парикмахер обнаружил у двери благодарственное письмо и двенадцать пирожных.

Пришёл стричься сенатор и когда собрался платить, парикмахер опять-таки сказал: «Я не могу взять деньги. На этой неделе я стригу на общественных началах». Сенатор обрадовался и ушёл.

На следующий день, когда парикмахер пришёл на работу, у двери стояло двенадцать сенаторов, десять депутатов, пятнадцать советников, мэр и несколько министров, жена мэра и шесть детей — все на бесплатную стрижку.

— Вот наглые, и что дальше? Отказал?

— Нет, конечно. Парикмахер был порядочным человеком, обещал — сделал. Подстриг абсолютно всех, всем угодил, одним словом — мастер.

Чиновникам тоже понравился парикмахер, особенно тот факт, что мастер обслуживал их бесплатно. Они посовещались и решили, что парикмахеру непременно нужна господдержка в рамках государственно-частного партнерства. Что такое «господдержка» парикмахер не знал, но словосочетание было достаточно благозвучным, хотя и с опаской, он согласился.

Сенатор сказал министру: «Надо поддержать». Министр сказал замминистру, замминистр — губернатору, губернатор — начальнику департамента, начальник — главному специалисту, главный — старшему, старший — ведущему, ведущий специалист вызвал специалиста и сказал: «Чтобы до конца недели было готово».

Специалист — женщина средних лет, обремененная семьей из трех детей, мамой пенсионеркой и мужем таксистом, с годовым семейным доходом в 5 тысяч рублей на человека в месяц, села писать инновационную программу стратегического развития и государственной поддержки малого бизнеса в сфере парикмахерского дела и индустрии красоты на территории Российской Федерации.

Она, мягко говоря, не любила ни малый, ни средний, ни тем более крупный бизнес, считала этих людей жадными и алчными, думающими только о своей личной выгоде, наживающимися на потребностях честных людей, служащих государству, например, таких как она. Никогда в жизни она не пользовалась услугами парикмахеров. Свои длинные волосы она сама виртуозно укладывала в косу любой конструкции, а подстригать кончики доверяла только маме. Как замужняя женщина и верная жена, она не понимала, кому вообще нужны эти салоны красоты, разве что проституткам, нормальной женщине этим заниматься просто некогда, да и не зачем. Фен, бигуди, пилочка и лак для ногтей — этого достаточно, и потом, красота духовная, в ее понимании, была куда весомее красоты внешней, тем более красоты искусственной, напомаженной каким-то парикмахером.

Но работа есть работа, и она ее сделала. Написала.

Разумеется, все это время чиновники не сидели сложа руки, они тоже усердно работали в этом направлении. На благо граждан, за деньги граждан они собрали комиссию, в ней подкомиссии, в подкомиссиях комитеты, в комитетах рабочие группы, в рабочие группы привлекли экспертов, провели со-

брания, совещания, круглые столы, конференции, общественные советы, и вот в результате...

...Граждане могут у парикмахера стричься бесплатно. Все. Всегда. Хоть сколько. Хоть как, и главное, абсолютно без очереди, с максимальным сроком ожидания 10 минут. Изумленному парикмахеру объяснили: «Да!!! Это и есть твоя господдержка. Теперь в рамках государственно-частного партнерства за всех бесплатных клиентов ты будешь получать от государства деньги!!! Правда же, здорово!!! Ну же, хвали нас скорее!

Чиновники не стали ждать отзыва парикмахера и стали хвалить себя сами, благо, возможность такая имеется. «Великолепное мы придумали решение, — одобряли себя чиновники, — очень инновационное, нигде в мире такого нет». Доложили об этом Премьер-министру, а тот — Президенту, Президент стал говорить о развитии в России крайне благоприятного инвестиционного климата для малого и среднего бизнеса и пообещал, что уже в следующем году объем господдержки в этом секторе увеличится со 100 до 200 миллиардов рублей.

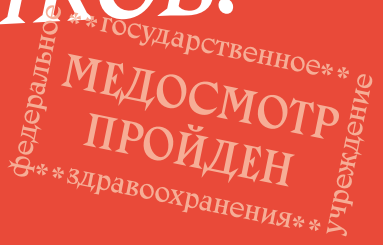
А что парикмахер? У парикмахера дела от господдержки пошли куда хуже, чем у чиновников.

Во-первых, он не понимал, почему объем его господдержки измеряется в сотнях миллиардах рублей, а тариф, по которому ему возмещают затраты за «бесплатных» клиентов, не покрывает даже и половины его расходов.

Во-вторых, оказалось, что все деньги по его господдержке теперь принадлежат не ему, а идут на покрытие статей затрат, перечень которых установили чиновники. Теперь парикмахер не мог заработать своим трудом для себя, не мог расходовать на свои интересы, интересы своей семьи, он не мог развивать бизнес так, как он сам видел его развитие. Теперь чиновники указывали ему, куда и сколько он должен потратить денег, которые он получал за Свои услуги по программе Своей господдержки. Парикмахер не понимал, как так: услуги оказывает он, а деньги — не его, и сначала было даже возразил, но чиновники строго пояснили: «Господрежка — это значит, что деньги государственные, и распоряжаться ему, какому-то частнику, государственными средствами никто не позволит, его задача — услуги оказывать, а не деньги считать».

И если сначала у мастера-парикмахера оставались клиенты, которых он мог принимать без программы господдержки за наличный расчёт, то постепенно они исчезли совсем. «Бесплатники» вытеснили обычных людей. «Бесплатники» были убеждены: «господдержка» наделяет их правами, а парикма-

А ЧТО ПАРИКМАХЕР? У ПАРИКМАХЕРА ДЕЛА ОТ ГОСПОДДЕРЖКИ ПОШЛИ КУДА ХУЖЕ, ЧЕМ У ЧИНОВНИКОВ.

хера — обязанностями. Он обязан оказывать им услуги по их первому требованию и желанию, а раз он обязан — он и несет ответственность при возникновении конфликтных ситуаций. Такая постановка вопроса отбила у парикмахера охоту не только вступать в спор, но и задавать лишние вопросы.

Со временем, и без того скромный тариф господдержки совсем перестал обеспечивать себестоимость услуг парикмахера, у него не хватало денег, чтобы рассчитаться за коммунальные услуги, каждый раз ему приходилось экономить на материалах, переходя либо на более дешёвые образцы, либо уменьшая объем их использования, что безусловно негативно влияло на технологию процесса.

Парикмахер просил, умолял, доказывал необходимость увеличения тарифа. «Конечно,— сказали чиновники,— давайте обсудим и все посчитаем, это же наша работа», и пригласили своих экспертов. Эксперты — это в прошлом парикмахеры, у которых не заладилось с личной практикой, но они точно знали, «как надо лучше, чтобы было качественно». Некоторые и правда знали, потому что защитили учёную степень на тему: «Содержание ионов кальция в волосяных фолликулах жителей Якутии в области затылочной части черепа в период лунного затмения».

Вы спросите: «Как такая тема вообще относится к парикмахерскому делу?» Мой ответ: «Да никак, но это и не требуется. Требуется удостоверение кандидата наук, а вот оно и даёт право на экспертное мнение, а с ним и право указывать практикующему мастеру-парикмахеру, как тот должен делать стрижки, причёски, покраски, укладки...

Разумеется, парикмахер не мог всем угодить, были и недовольные клиенты, оно понятно, всем мил не будешь. Но если раньше они просто уходили к другому мастеру, то теперь они писали на мастера жалобы чиновникам. Чиновники обожают жалобы граждан, по которым можно проверять и наказывать. И потянулись комиссии проверок к парикмахеру, каждая из которых требовала личного присутствия мастера, его разъяснений, пояснений, объяснений. И пришлось мастеру нанять экономистов, статистов, юристов, разумеется, за свой счёт.

Известное дело, никакая проверка не может пройти без штрафов. Именно штрафом измеряется эффективность государственной службы. Штрафы — это критерий работы проверяющего чиновника, ступени в его карьерной лестнице. Считается, что размер штрафа — это размер государственного блага, чем больше штраф, тем лучше государству. Эти аксиомы парикмахеру разъяснили сразу, на первой проверке.

Опытные юристы подсказали мастеру, что они могут договориться о штрафах поменьше, на взаимовыгодных условиях, тогда довольными останутся все, но совсем без штрафов нельзя, и здесь не важно, виноват ты или нет. «Не стоит искать правды, не выгодно»,— сказали юристы, специализирующие на штрафах малого бизнеса.

Со временем мастер научился договариваться без помощи юристов, напрямую с экспертами, но совсем избавиться от штрафов не получалось. «Ты пойми,— объяснял ему один из сочувствующих чиновников,— штраф, как наказание, это пища, которой кормят жалобщиков, и чтобы она была более вкусной, мы подогреваем ее в микроволновке СМИ. Народ любит публичные казни, и, как всего вкусного и любимого, ему хочется этого снова и снова, и он вновь жалуется, что дает нам повод для «плодотворного» сотрудничества с бизнесом в рамках последующих проверок, понимаешь карусель? Поэтому давай по мирному, нельзя без штрафов, у нас тоже семьи, пойми».

Парикмахер шел по-мирному, шел навстречу, понимал. Понимал чиновников, понимал народ и терпел. Народ вошел во вкус и жаловаться стал не только чиновникам, но и в правоохранительные органы.

— А туда-то на что?

— Ну как на что, на моральный ущерб и ненадлежащее оказание услуг, приведшее к нарушению психического, а за ним и физического здоровья и даже смерти.

— А смерти-то как?

— Очень просто. Мастера пригласили домой подстричь и побрить тяжёлого онкологического больного, который вот уже как 6 месяцев был прикован к кровати. Он помыл голову, подстриг, побрил. Через день больной умер. Следователи взяли учебники по онкологии, не нашли в них медицинских показаний для удаления волос у онкологических больных и признали это причиной смерти, к тому же, услуги парикмахер оказывал в ненадлежащих условиях, то есть не в парикмахерской, а на дому, да еще и без лицензии.

— Какая лицензия, парикмахерам не нужна лицензия.

— Верно, только следователи действия парикмахера расценили не как стрижку, а как удаление волос, нашли эту услугу в классификаторе медицинских услуг и признали его деятельность медицинской, потому как он удалял волосы больному, а не здоровому человеку.

— И что, посадили?

— Нет, общественность заступилась, выступила на «фэйсбуке», скандал разгорелся, правоохранители «заднюю скорость» включили, отпустили.

И тогда чиновники решили, что нужны чёткие стандарты: кого, где и как стричь,— и стали внедрять стандарты, а с ними и порядки оснащения. Парикмахер умолял оставить ему импортные краски, инструменты и материалы, убеждая, что импортозамещение нанесет серьёзный ущерб качеству. Но была беседа, на которой ему разъяснили об уголовном наказании за госизмену и терроризм. Парикмахер сначала не понимал, причём здесь он и госизмена, какая здесь вообще связь. Ему показали дела людей, которые уже отбывали реальные сроки за слова и мысли куда более лёгкого содержания, чем излагал парикмахер. Это убедило.

— Да чёрт побери, почему же парикмахер не отказался от этой господдержки, ну и работал бы без неё, как раньше, и был бы счастлив?

— Он так и сделал. «Ну что же,— сказали чиновники,— тогда тебе придётся вернуть все деньги, которые мы тебе платили все эти годы». «Но, позвольте,— сказал мастер,— я же оказывал услуги, есть результат — бесплатно подстриженные граждане». «Нет, не считово,— сказали чиновники,— программа рассчитана на 5 лет и 11 месяцев, а ты отработал по ней 5 лет и 10 месяцев, и решил выйти из нашей программы, поэтому должен все деньги вернуть».

Мастер не согласился. И был спор, и был суд. Суд счёл, что чиновники представляют интересы государства, а мастер к государству никакого отношения не имеет, это всего лишь какое-то частное лицо, предприниматель, бизнесмен, а, стало быть, лицо алчное и жадное... В итоге повесили на мастера долг в объёме всей суммы.

— Он хоть перестал бесплатно стричь, вернулся к любимой работе?

— Да, вернулся. Сейчас постепенно восстанавливает свой бизнес, но это сделать уже не так просто. Чиновники не оставили идею «стричь всех граждан бесплатно» и открыли национальный проект развития бесплатных парикмахерских, выделив на него еще 800 миллиардов рублей.

— Куда столько?

— В основном, на оборудование. Если его закупать по тендерам через госзакупки, оно будет кратно дороже, чем затраты, которые они компенсировали парикмахеру.

— Почему же они просто не увеличили тариф мастеру? Таких денег хватило бы с лихвой, он сам бы закупил оборудование.

— В этом и секрет, если на эти деньги покупать сразу готовые услуги, то работы и денег лишается огромная армия чиновников, это не выгодно... Вот только представь: подготовка программы, списков, тендеров, закупок... Все это проходит через комиссии, подкомиссии, комитеты, советы, собрания, совещания — и все это время, а время — деньги, оплата же у чиновников почасовая и переработка в часах измеряется, а за неё премия чиновнику полагается, понимаешь?

— Да ещё откаты, наверное...

— Ну и откаты. Понимаешь, создание системы, где нет откатов, не выгодна даже чиновникам, которые не берут эти откаты.

— Это почему?

— Потому, что одни чиновники ловят на откатах других чиновников, от этого у них карьерный рост получается. Карьерный рост и деньги — это ключевые мотивы человека, идущего на государственную службу, в чиновники и правоохранители. Создай среду без откатов, и ты демотивируешь государственную службу, она утратит смысл — ни карьеры, ни денег. Представь: нет откатов — всё, тупик.

— Ну хорошо, создали они бесплатные парикмахерские, накупили дорогостоящего оборудования, а мастеров где возьмут? Кто туда пойдет работать? Основа деятельности — кадры, без них никак.

— Чиновники не такие уж тупые люди, все в их руках, например, вот два способа:

1. Отныне все выпускники парикмахерских школ будут обязаны первые пять лет работать только в государственных парикмахерских.
2. Чиновники пересмотрят стандарт оснащения парикмахерских. В стандарте укажут, что парикмахер обязательно должен иметь прибор, который ему никогда не пригодится, но который очень дорого стоит, настолько дорого, что купить эту бесполезную штуку можно только на государственные деньги.

— И что? Все так плохо?

— Ну почему плохо? Кому плохо? Это же кому как. Чиновник, глядя на эту ситуацию скажет: «это хорошо», и оценит ее как перспективное развитие, и это будет официальная государственная позиция. Стало быть, твое мнение, что «это плохо» — это позиция антигосударственная... Понимаешь, чем пахнет?

Да и потом, у нас много всего хорошего, ну смотри: сборная России по футболу на Чемпионате мира дошла до ¼ финала, Акинфеев на Чемпионате мира ногой отбил пенальти, станцевят балет про Чемпионат Мира... что еще... а, вот: Президент Хорватии сказала: «Спасибо, Россия у вас отличный Чемпионат Мира»... что еще... футболистам за Чемпионат мира досрочно присудили заслуженных мастеров спорта, всем, даже запасным... иностранные болельщики в восторге от Чемпионата мира... да много чего хорошего у нас...

Рассказ №6

ЧИНОВНИЦА И ОМС. ЛЮДИ СЛЫШАТ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ПОНИМАЮТ...

Медицинское заключение серия 29 № 1826790

Дата __/__/__ Подпись_____

Все события и персонажи выдуманы,
совпадения случайны.

ОДНАЖДЫ ОЧЕНЬ ВАЖНАЯ-ПРЕВАЖНАЯ НАЧАЛЬНИЦА, большой-пребольшой чиновник обиделась на систему ОМС и вызвала эту дрянь к себе на ковер для серьезного, обстоятельного разговора.

— Вы абсолютно неэффективны!!! — песочила она систему ОМС.— Из-за вашей отвратительной работы у нас загибается, рушится, да что там, уже разрушено всё наше здравоохранение, которое мы,— чиновница сделала на этом особое ударение,— своими руками создавали 70 лет!!!

Изящный маникюр, ухоженные пальцы, массивное кольцо из коллекции De Grisogono, инкрустированное изумрудами и бриллиантами, не позволяли сомневаться в том, что достижения у начальницы действительно были.

Система ОМС молчала, слушала и тщетно пыталась понять суть претензий...

— Закрываются роддома, больницы, поликлиники, повсеместно сокращают врачей,— метала молнии важная начальница,— прекратили работать фельдшерские пункты, люди в селах не могу получить медицинскую помощь!!!

— А причем здесь я? — спокойным тоном прервала ее система ОМС.— Моя функция оплачивать УЖЕ оказанную мед-

помощь. Если ее не оказали в силу названных Вами причин, то причем здесь я? Мне по-другому действовать по закону не положено. Оказана медпомощь — оплачиваю, не оказана — не оплачиваю, все просто, понимаете? Больницы открывать-закрывать, врачей принимать-увольнять, другие подобные проблемы — это не ко мне.

— Да что вы говорите,— ехидно передернула чиновница,— а кто, по-вашему, должен это делать?

— Вы,— спокойно ответила система ОМС,— это ваша зона ответственности. Создавать больницы, обеспечивать их кадровым составом, оснащать оборудованием, и все иные мероприятия, связанные с организацией системы здравоохранения, должны делать вы — органы исполнительной государственной власти, и, при этом, не за мой, а за свой счет. За счет ОМС оплачиваются только затраты уже оказанных услуг, по факту страхового случая, понимаете?

Повисла пауза... По виду чиновницы было понятно, что ей ничего не понятно, ничего из сути изложенного, и, главное, она не понимала этой наглости, с которой система ОМС пыталась вообще ей что-то перечить. А между тем, система ОМС мило улыбалась и беспардонно продолжала свои разъяснения...

— Страховыми деньгами я обеспечиваю возмещение затрат, связанных с оказанием медицинских услуг застрахованным гражданам при наступлении страховых событий, указанных в программе ОМС, которая является составной часть программы госгарантий. В этом и заключается суть моей услуги. ОМС — это финансовая услуга, денежное возмещение затрат и не более того,— без запинок, как на экзамене, выдала система ОМС.

— Что ты мне голову морочишь, белиберду несешь,— не скрывая раздражения, перебила ее чиновница,— какие граждане, какая финансовая услуга? Мы государственные деньги ОМС распределяем по нашим больницам, а они обязаны оказывать бесплатную медпомощь. Ты что, тупая, этого не понимаешь, что ли? ОМС — это система оказания бесплатной медицинской помощи, которую гарантирует государство.

— Но, позвольте, в соответствии с п. 1. ст. 3 ФЗ-326, ОМС — это система мер обеспечения гарантий бесплатного оказания медицинской помощи. Почувствуйте разницу — система организации медпомощи и система обеспечения гарантий ее оплаты, это — разные процессы, понимаете?

Система ОМС создана не для финансирования больниц, а для финансовой защиты каждого гражданина от денежных затрат, связанных с оказанием ему медицинской помощи.

Защита обеспечивается лично каждому и только при наступлении страхового случая. Чувствуете разницу? Гражданину. Персонифицированно. По факту затрат. В объеме затрат, связанных с конкретным случаем. Вместо вашего: Больницам. Обезличено. В объеме сметы расходов больницы.

Распределять деньги между больницами и гражданами — это абсолютно разные организационные и финансовые процессы. Надо бы между гражданами, а вы между больницами делите. В этом и есть ваше заблуждение.

Кстати, средства ОМС никогда не были ни бюджетными, ни государственными, это — страховые средства, и они аккумулируются в специальном внебюджетном фонде ОМС. Законодатель это специально сделал — выделил средства ОМС из состава бюджетных, государственных. Согласитесь,— грустно улыбнулась система ОМС,— терминология «бюджетные средства внебюджетного фонда» выглядит нелепо, но ее использование может служить тестом на профпригодность...

— Нет, вы посмотрите на нее,— взорвалась чиновница,— она мне тут законы зачитывать будет, про фонд ОМС рассказывать, который проворовался совсем. Они там, значит, в федеральном фонде деньги себе на квартиры делят, а она мне здесь застрахованными гражданами тычет...

— Правда Ваша,— уступчиво согласилась система ОМС,— делят, только я-то здесь причем. Это же вы, чиновники, подготовили, приняли и подписали федеральный закон «О бюджете федерального фонда ОМС». В нем вы заложили бюджетную пропись (!) расходов средств ОМС на цели, никоим образом не связанные со страховой защитой граждан, в том числе, и на покупку квартир для сотрудников федерального фонда. Вы установили эту преференцию. Вы отобрали средства ОМС у застрахованных граждан и отдали их на нужды чиновников!!! Причем здесь система ОМС? Как она может повлиять на совесть и жадность чиновника, который через закон залазит в карманы граждан? Увы, никак.

— Знаешь, что,— перебила чиновница,— ты с больной головы на здоровую не перекладывай. Вот эти твои страховые компании — СМО, от них какая польза? Никакой. Лишние фирмы-прокладки для перекачивания денег в больницы. Они вообще не нужны. Мало того, что они свой посреднический процент с оборота денег получают, так они еще и безбожно штрафуют наши больницы. Как это сказывается на качестве медпомощи? А я тебе отвечу: никак, недовольных здравоохранением граждан все больше и больше. Лучше мы будем прямо

из федерального бюджета деньги в государственные больницы перечислять, все по-честному, все прозрачно, без посредников.

— Да, согласна,— опять издевательски спокойно согласилась система ОМС,— фирмёшки лишние не нужны, сосут средства ОМС, почем зря. Только причем тут система ОМС? Они же делают это с вашего чиновничьего дозволения. Система ОМС без них спокойно обойдется. Но это же вы, чиновники, под давлением лоббистов приняли закон, прямо противоречащий другому, более вышестоящему закону, который и разрешил действия посредников в системе ОМС.

Вы же прекрасно знаете, что в пункте 3 статьи 6 федерального закона ФЗ-165 «Об основах обязательного социального страхования» черным по белому написано: «посредническая деятельность в системе обязательного социального страхования не допускается». Написано? Написано. ОМС — социальное страхование? Да, социальное, читайте п. 1 ст. 3, ФЗ-326. Более того, в предыдущей статье этого же ФЗ-326 четко определено, что федеральный закон «Об основах социального страхования» является правовой основой для системы ОМС, то есть основополагающим. Нарушать правовую основу нельзя, но вы это проигнорировали! В результате в системе ОМС действует каскад из двух посредников. Так причем здесь система ОМС?

Это произошло в результате пренебрежительного отношения к дисциплине и правилам законотворческого процесса. Вы заложили противоречия в законодательство, сломали логику его исполнения, получили негативные последствия и во всем этом обвинили систему ОМС. Ну, прям, как англосаксы в деле Скрипалей,— возмутилась система ОМС.

— Совершенно очевидно,— продолжала она,— действующее законодательство предполагает, что ОМС должно быть построено по централизованной модели, аналогично системе пенсионного и социального страхования, в них нет посредников. СМО должны быть ликвидированы, а территориальные фонды ОМС стать филиалами Страховщика — ФФОМС.

Поэтому, если вы говорите, что страховые компании — это лишние посредники, то от слов к делу — убирайте их из системы ОМС. Для этого вам, чиновникам, всего лишь нужно соблюсти закон. Делали такое хоть раз? А вы попробуйте.

— Что же касается штрафов, которыми страховые компании обескровливают ЛПУ,— не унималась система ОМС,— так это вообще удивительная история. Страховые компании выявляют дефекты медицинской помощи, оказанной гражданам, в интересах застрахованных лиц. Однако, они не информируют их об этом, а аккумулируют процент от штрафов в свой доход. Вроде как пострадали граждане, вроде как они на их защите, а деньги себе забрали. Зачем такие штрафы? Если бы штрафы влияли на качество и удовлетворенность медпомощью, то, судя по тому, сколько их уплачено, российское здравоохранение должно быть лучшим в мире. Но этого нет. Штрафы есть, а качества и удовлетворенности так и нет. Это значит, такая система не эффективна. Зачем вы ее закрепили на уровне закона?

Просто отмените штрафы или направьте их в бюджет региона, и все посредники сами сбегут из системы ОМС. Страховые компании и эксперты живут за счет процента от взимаемых штрафов, и на эту порочную зависимость посадили их вы, силой закона. Зачем вы это сделали? Что вам мешает это изменить? Если не хотите менять, то почему обвиняете в этом систему ОМС?

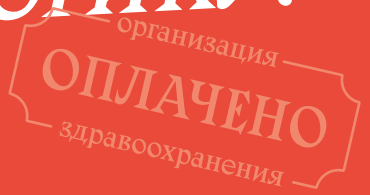
...Повисла пауза. Чиновница молчала. Система ОМС была ей неприятна. Она не могла вспомнить, чтобы кто-то когда-то делал ей замечания и указывал на ошибки: «У чиновника такого уровня, как она, нет и не может быть никаких ошибок. Если действия чиновника противоречат закону и логике — следует менять закон и логику. Это знали все, но, похоже, система ОМС не могла к этому приспособиться. Надо ее закрывать. Не приживется у нас такая»,— думала чиновница...

— Зачем нам система, которая не способна обеспечить адекватное финансирование наших больниц,— прервала она молчание,— я постоянно слышу жалобы главных врачей на унизительно низкие тарифы. Ты нищая, вечно дефицитная, зачем нам такая? Да и граждане жалуются на тебя. Им постоянно приходится за что-то доплачивать, а мы, государство, гарантируем всю медицинскую помощь бесплатно, абсолютно всю, понимаешь? В пределах программы госгарантий, конечно.

— О низких тарифах странно слышать от Вас,— удивилась система ОМС,— они хотя и утверждаются коллегиально, но рассчитываются в недрах исполнительной власти региона, а значит, всё в ваших руках. Делайте тарифы достаточными. Что вам мешает? И не следует говорить о дефиците в системе ОМС,— нет такого. Бюджет фонда ОМС вот уже много-много лет профицитный, это четко видно из отчетов Центрального Банка.

— Цинизм в том,— едко заметила система ОМС,— что, сетуя на некий дефицит (!), вы занижаете тарифы на оплату медицинской помощи своим же организациям. Низкие тарифы

У ЧИНОВНИКА ТАКОГО УРОВНЯ, КАК ОНА, НЕТ И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКАКИХ ОШИБОК. ЕСЛИ ДЕЙСТВИЯ ЧИНОВНИКА ПРОТИВОРЕЧАТ ЗАКОНУ И ЛОГИКЕ — СЛЕДУЕТ МЕНЯТЬ ЗАКОН И ЛОГИКУ.

не покрывают затраты больниц. Выполнить стандарты и порядки оказания медицинской помощи невозможно, однако все государственные больницы работают. Как? Три варианта: дефицитный тариф компенсируют приписками, оказывают медпомощь ненадлежащего качества, предлагают соплатеж населению.

Для страховой системы наиболее приемлемый третий вариант. Во-первых, идеология страхования предполагает солидарную ответственность, в классическом страховании — это франшиза. Во-вторых, финансовый баланс страховой системы достигается за счет индивидуальных страховых лимитов, сверх которых производится доплата самим застрахованным. То и другое стабилизирует страховую систему, стимулирует общественную солидарность, но вам, чиновникам, не подходит.

Вы, как чиновник, не можете честно сказать гражданам, что нужно доплачивать, боитесь так называемой социальной напряженности. Проще врать, поэтому вы предпочитаете два первых сценария — приписки и низкое качество. Пока это остается скрытым, удается создавать иллюзию, что все бесплатно. Если же это вскрывается — вы, как чиновники, получаете дивиденды народной любви за жесткое «справедливое» наказание виновных врачей. Населению расправы над врачами нравятся, оно радуется. Вы тоже. Некрасиво, относительно врачей. Но система ОМС здесь причем?

— Сколько есть денег, столько и делим, где больше взять? — сухо проворчала чиновница, всем видом показывая, что этот разговор ей становится скучным и не интересным.

— Странный вопрос для чиновника, — усмехнулась система ОМС, — ответ очевиден: нехватка средств ОМС на оплату медицинской помощи компенсируется межбюджетным трансфером из федерального бюджета, который нужно заблаговременно рассчитать, спланировать и запросить. Это написано в законе, п. 1. ст. 24 ФЗ-165. Почему вы этого не делаете? Боитесь? Или потому, что чиновники ОМС премии от профицитного остатка получают? Запросишь трансфер, могут и уволить. Проще нагнуть больницы на низкий тариф, со всеми вытекающими для застрахованных граждан последствиями.

— Ну, хорошо, — бойко продолжала рассуждения система ОМС, — возможно, денег не хватает, но тогда почему вы с мазохистской настойчивостью расширяете программу ОМС? Почему вы силой закона делаете систему ОМС безлимитной и в п. 4. ст. 4. ФЗ-326 прямо обещаете гражданам исполнять обязательства независимо от финансового положения Страховщика?

Простите за наивность, а за счет чего? Как? Ответ напрашивается из практической деятельности: за счет недобросовестной эксплуатации медицинских организаций и медицинских сотрудников. Вы предаете интересы граждан и своих больниц, но причем здесь система ОМС? Как она может повлиять на профессиональную трусость?

Кстати, о кадрах. Руководство любого фонда ОМС вы назначаете чиновничьим приказом, силой исполнительной государственной власти. Большинство назначенных вами исполнительных директоров фондов ОМС не имеют профильного финансово-экономического образования, не владеют азами финансового анализа и даже бухгалтерского учета. Они не понимают, не знают, а главное — не хотят узнать, что такое страховые принципы, на которые так настоятельно требует перейти Президент РФ. Поэтому, вместо этого они вводят некий институт страховых представителей и рапортуют о полном переходе системы ОМС на страховые рельсы. Это же откровенное вранье! Деятельность практически всех территориальных фондов носит выраженный антистраховой характер, и причина этого — в отсутствии надлежащих профессиональных компетенций. Система ОМС здесь причем?

Проведите добросовестную ревизию и аккредитацию руководящего состава территориальных фондов ОМС. Назначьте умных, а не верных. Страхование — это сложнейший финансовый институт, здесь «просто хороший парень» или «просто красивая девушка» не справятся. Знания нужны, профессиональные компетенции, и не в сфере организации здравоохранения, а в сфере страхования. Фонд ОМС — это страховой фонд, поэтому человек с образованием «финансы и кредит» и (или) «страховое дело» на месте его руководителя будет более эффективным.

— Так, всё,— громко хлопнула ладонью по столу чиновница,— меня учить работе с кадрами не надо. Мы прекрасно знаем, кто, где и кем должен работать. Если компетенция наших кадров не соответствует системе ОМС, нам проще отменить систему ОМС. Мы своих не сдаем, а ты нам чужая. А если уж ты такая-растакая и вся для граждан предназначенная, то вот пусть тобой граждане сами и пользуются на добровольной, так сказать, основе. Нам ты не нужна, и на этом разговор закончен.

...

Система ОМС молча брела в неизвестном направлении. «Вот так»,— думала она,— «граждане отдельно, чиновники

отдельно, чиновникам не нужна, граждане пусть пользуются за деньги...» И стало грустно страховой системе ОМС. «Конечно, слова «ты нам не нужна» от региональных чиновников она слышала достаточно часто, приходилось ей это слышать и в государственных ЛПУ и даже от застрахованных граждан, которых она так рьяно защищала, но у нее теплилась надежда, что там, наверху, ее любят, понимают и поддерживают...»

...

«Чертова система ОМС,— чиновница сидела с закрытыми глазами и терла виски.— Ужасная, страшная головная боль от нее... Конечно, есть доля правды в ее словах, но кому это надо?» — чиновница подняла трубку, набрала дружественный телефонный номер.

— Привет, дорогой. Система ОМС, знаешь такую? А ты знаешь, что она американка, ты знаешь, что она у нас все здравоохранение развалила по заданию Госдепа. Даааа, точно тебе говорю, из-за нее всё... Я вот тебе запись нашего разговора дам... а ты послушай, там всё по твоей части — права граждан, свобода выбора, в общем, на двушечку, как минимум, наговорила... ага, хорошо, ладно, хорошо, да, я тоже так считаю... внеси ее в санкционный список, пожалуйста. Спасибо тебе, дорогой.

«Вот и хорошо»,— чиновница положила трубку.

Облегчения не наступало. Среднее медицинское образование, полученное ею когда-то на заре своей карьеры, располагало ее сердце к пациентам, врачам, медицине. Ей тоже хотелось быть полезной людям, искренне хотелось. В ее карьерном списке было много по-настоящему добрых дел... «А может, зря я так с ней жестко,— подумала чиновница,— в целом она неплохая, эта система ОМС, умная, за пациентов ратует, есть у нее и много плюсов...»

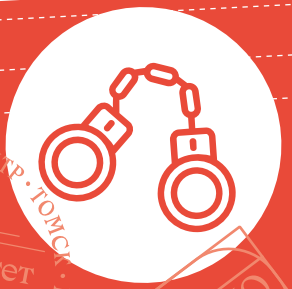
...Но она хотела делить и распределять сама, без посредников. И это чувство было сильнее.

Рассказ №7

ОМС. НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ НА РАБОТЕ

Медицинское заключение серия 13 № 2315064

Дата __/__/__/ Подпись_____

Они пришли рано утром, в 6:45. Многократный, настойчивый звонок в дверь, тот самый, который моментально заполняет все тело парализующей тревогой. Их трое. Вежливы. Спокойны. Представились. Предъявили удостоверения. Попросили паспорт...

— Собирайтесь. Вы поедете с нами. Паспорт пока остается у нас.

Следователь наклонился над протоколом, что-то молча усердно писал.

В голове суетились мысли. «Ничего страшного, что я мог такого противозаконного сделать?.. ничего страшного», — говорил внутренний голос. Но как-то не убедительно говорил, было тревожно.

Следователь писал. Молчал и писал. Молодой, хорошо сложенный, похож на отличника — явно карьерист. И от этого становилось еще тревожнее. Такой закопает на раз-два. «Ну а что, у него свой путь карьерного роста, и лежит он через судьбы людей, таких как ты», — подсказывал внутренний голос.

Первый директор ФФОМС

— Вы работали директором Федерального фонда обязательного медицинского страхования,— вдруг неожиданно прервал молчание следователь,— верно?

— Да, верно. Я был первым директором Федерального фонда ОМС и, по существу, участвовал и в его создании, и в организации всей системы ОМС на территории России. Вы знаете, это было.....

— Да, мы знаем, знаем,— перебил следователь,— именно поэтому Вы здесь, именно поэтому у нас к Вам накопился целый ряд вопросов. Недавно Вы публично заявили о том, что никогда ни в мыслях, ни в своих действиях Вы не воспринимали ОМС как рисковый вид страхования, это верно?

— Да, верно, и ни я один. Такого же мнения придерживались мои коллеги, целый ряд экспертов, советы которых мы использовали в своей деятельности.

— Понятно,— кивнул головой следователь, и, склонившись в записи над протоколом, пробурчал,— в составе организованной группы лиц, я пометил.

— Что? Я не совсем Вас понял, какой группы лиц?

Следователь поднял голову. Он молчал и смотрел прямо в глаза. В этом взгляде трудно было что-то уловить, он был такой... неопределенный, скользкий, и это явно не сулило ничего хорошего.

— Организованной, я говорю, в составе организованной группы лиц,— очень спокойно, мягко произнес он, делая четкий акцент на каждом слове.— Вы же сами так сказали, я все записываю с Ваших слов.

ОМС — безрисковое страхование

— Я? Я такого не говорил. Я сказал, что мы не считали ОМС рисковым видом страхования.

— Все верно, я так и написал: умышлено, в составе организованной группы лиц осуществлял организацию страхования без наличия рисков — безрисковое страхование. Ну это же ваши слова: «ОМС — безрисковое страхование», и Вы являлись его организатором в составе группы лиц? Вы же в этом только что признались? Я записал. Что не так?

— И что? Что в этом противозаконного?

— А вот с этим мы сейчас и разбираемся,— спокойно заключил следователь,— вы не нервничайте. Он оторвался от протокола,— Давайте по порядку, сначала, я отвечу на Ваш вопрос «и что?».— Он замолчал, было видно, как он подбирал в мыслях

слова, отбрасывая все нецензурные, хотя, конечно, с ними доводы получились бы яснее и короче.

— А то,— выпалил следователь, похоже, это было все, что осталось из отобранных слов,— а то, что страховым риском является предполагаемое событие, на случай которого и проводится страхование. ФЗ 4015-1, статья девять, пункт один. Читали? Вижу, читали,— не дождавшись ответа, заключил следователь,— и событие это, рассматриваемое в качестве страхового риска, должно обладать вероятностью или случайностью.

— Вижу удивление на вашем лице,— не останавливался следователь,— вот только не надо мне рассказывать, что Закон об организации страхового дела никак не относится к системе ОМС. Открываем и читаем п.2. ФЗ 326 Правовые основы ОМС. Если не читали, поверьте, у Вас будет достаточно времени все это прочесть десять раз. Раз в год будете перечитывать. Следователь улыбнулся, ему явно понравился собственный шутливый экспромт.

Застрахованные по ОМС граждане

— Что за бред Вы несете? Все всегда так работали, и ничего.

— Ну да, ну да...и ничего,— задумчиво протянул следователь,— все, всегда и ничего. И все бы и дальше ничего, да пожаловались на Вас.

— Кто? Страховые компании?

— Хм, если бы. Хуже. Граждане.

— Граждане?

— Да, представьте, застрахованные по ОМС граждане. Да, те самые граждане, страховые взносы которых аккумулировались в страховом фонде в целях страхового обеспечения их прав при наступлении страхового случая. Да, те самые застрахованные граждане, которые в силу п. 5 ст. 3 ФЗ-326 рассчитывали на страховое обеспечение, но его не получили, потому что Вы реализовывали незаконную безрисковую модель страхования. Делали это умышлено и организовано, и Вы сами в этом признались. И это хорошо... ну я имею в виду, что сами признались.

— Ну и? Я не понимаю.

— Ну что и... если не «сливать» вас за мошенничество, то в результате ненадлежащего исполнения должностных обязанностей гражданам была оказана ненадлежащего качества страховая услуга.

— Постойте, какая страховая услуга? Вы это о чем?

— Вы и правда не понимаете? — искренне удивился следователь,— Вы что, реально не знаете, что особенность медицин-

ского страхования заключается в том, что граждане получают сразу две услуги — страховую и медицинскую? Гражданин является потребителем сразу двух услуг, понимаете, двух — страховой и медицинской. И та, и другая может быть НЕ качественной, от оказания и той, и другой гражданин может пострадать, получить ущерб.

Кончились объемы

— И что???

— Умер. Умер застрахованный гражданин, потому что Вы отказали ему в страховом обеспечении, сославшись на то, что страховая деятельность в ОМС безрисковая.

— Как? Ничего не понимаю.

— Жаль. Жаль, что не понимаете. Люди, граждане застрахованные, умирают от заболевания, не дождавшись страхового обеспечения. Кончились объемы. Слыхали про такое? Вы же деньги между больницами делили, квоты распределяли, а до граждан вам никакого интереса не было, вы же безрисковое страхование вели, вы ЛПУ финансировали, а по закону должны были страховое обеспечение реализовывать. Произошло с гражданином страховое событие, то есть заболевание — выдай страховое обеспечение, то есть оплати ему медицинскую помощь, оплати там, где он ее получил. А вы нет. Вы деньги между ЛПУ делили, без какой-либо реальной связи со страховыми событиями — безрисковая модель это у вас называлась, и вы ее организатор.

— А почему? — без остановки чеканил следователь, — а из корыстных на то побуждений. Вот в чем ошибочка-то, понимаете, и ошибочка эта к смерти граждан привела, нарушив их самое первостепенное право — право на жизнь, а вот это уже проблема. И еще большая проблема, что делали вы это умышленно, по предварительному сговору в составе группы лиц.

— Почему я то? Это же коллегиальное решение! Вы не представляете, сколько у нас было различных комиссий, совещаний, собраний, экспертных советов.

— Ну почему же, все я очень даже хорошо представляю. Сдали Вас ваши коллеги, сда-ли. Вот пожалуйста, полюбуйтесь, — следователь достал из ящика своего стола довольно увесистую папку и бросил ее на стол, — все, абсолютно все ваши коллеги указали на то, что действовали по вашему распоряжению и указанию, кто под страхом увольнения, кто под страхом административного взыскания или, как некоторые написали, под страхом недофинансирования...

— Что это?

— Это, мил человек, целая пачка свидетельских показаний, — следователь аккуратно открыл папку и стал бережно перебирать листы протоколов, — вот вам и Леонид Михеевич... и Лео Авронович... Игорь Ефимович... и вот даже сама Вероника Егоровна. Все они, понимаете, все в один голос говорят, что неоднократно просили, умоляли вас, мол, давайте сделаем систему ОМС по-настоящему страховой, как Президент требует, как в законе написано! А вы — нет, в отказ, мол, безрисковая модель.

Госзадание в страховании

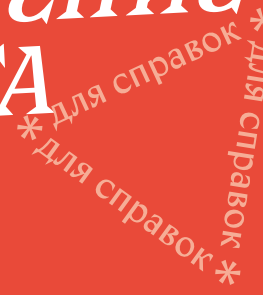
— Госзадание какое-то придумали? Вы откуда это взяли-то, госзадание в страховании? Как Вы страховые события, основной характеристикой которых является вероятность и случайность, по заданию распределяете? Как? Ну, в самом деле, вы как ребенок... Вы что, этого не знали? Думаю, знали, не могли не знать, грамоте же вы обучены, чтобы законы читать, на должность поставлены, но поступали противозаконно, стало быть, умышлено.

Следователь встал и подошел к окну. Молчали. Оправдываться не хотелось. Хотелось, чтобы следователь замолчал и больше вообще ничего не говорил. Все обвинения казались абсурдными. Все всегда так делали, и ничего. «А тебя просто сдали, — шептал внутренний голос, — помешал кому-то».

— Вы не просто нарушили закон, — внезапно прервал тишину следователь, — вы совершили гораздо больший проступок — вы полностью проигнорировали мнение Президента страны, пол-но-стью, вот прямо под ноль! Он вам — про переход здравоохранения на страховые принципы, а вы ему какой-то институт страховых представителей подсунули. Нет, ну ладно вы простых граждан разводите, но Президента!!! Какое отношение институт страховых представителей имеет к страховым принципам? Да никакое! Согласны? По глазам вижу, согласны. А зачем подсунули?

Вы производите оплату медпомощи без связи со страховыми событиями, Вы перенесли все страховые риски со Страховщика на медицинские учреждения, назвав это фондодержанием. Тем самым вы загнали медицинские организации в непомерную кредиторскую задолженность, а сами, как страховщик, отчитываетесь перед Президентом о профиците страхового фонда ОМС, получая за это квартиры и премии. И вы тут же, вот, прям, тут же, нагло врете, что перешли на страховые принципы. Делаете все диаметрально противоположное, а говорите, что перешли на страховые принципы, как так можно

— ВЫ НЕ ПРОСТО НАРУШИЛИ ЗАКОН, ВЫ СОВЕРШИЛИ ГОРАЗДО БОЛЬШИЙ ПРОСТУПОК — ВЫ ПОЛНОСТЬЮ ПРОИГНОРИРОВАЛИ МНЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СТРАНЫ

врать? Ну вы же взрослый человек, не стыдно? Да нет, думаю, не стыдно,— следователь безнадежно махнул рукой и плюхнулся на стул.

— Ладно, хватит на сегодня,— уже более мягким тоном сказал следователь,— я вижу, Вы устали, давайте заканчивать. Мне уже и самому пора торопиться, сегодня же футбол, наши с Испанией в финале играют, мы всем отделом на наших поставили, видели же, как мы в полуфинале Германию 6:0 раскатали...

— Я могу идти?

— Не, не, не... Вам торопиться некуда, вы остаетесь. Позвоните, попросите, чтобы теплые вещи принесли, медикаменты, если какие необходимо, прохладно у нас там... Да не расстраивайтесь Вы так, соберем мы Вам компанию, мы всем отделом над этой темой работаем, а у нас все ребята молодые, энергичные, всем по службе надо двигаться, сами понимаете, семьи... Завтра руководителя страховой компании вызываем на очную ставку с руководителем территориального фонда. Вот, думаю, это будет баттл! Я Вам расскажу потом, ну давайте, не прощаемся... Дежурный!

P. S. Все совпадения случайны. Это вымышленная история, которая никогда не происходила и не может произойти в нашей стране. Не родился еще такой следователь.

Рассказ №8

РАСПРОДАЖА ОМС

Торги медуслуг по ОМС

Дата __/__/__/ Подпись_____

Красноярск, 2017 год

В УЮТНОЙ ДРУЖЕСКОЙ АТМОСФЕРЕ несколько руководителей частных клиник пытаются мне объяснить, как у них в Красноярском крае организованы «торги медуслуг по ОМС».

— У нас в Ачинске это так,— педагогически четко разъясняет мне руководитель Ачинской частной клиники,— они отгружают все деньги на районную больницу, и та проводит торги между «частниками», торг идет на уменьшение цены медуслуги.

— Простите, что они делают с деньгами?

— Отгружают,— четко, почти по слогам, как для непонятливых, повторила моя собеседница.

— Они так мне в Краевом Министерстве и сказали: «Вам объемов не будет, мы все деньги на МРБ отгрузили, торгуйтесь».

— Аха, понятно. Деньги ОМС отгрузили на торги. Понятно. А причем тут Министерство, оно какое отношение к деньгам ОМС имеет?

— Как какое? Самое прямое, оно фонду ОМС и говорит, куда деньги отгружать.

Слова «отгружать деньги» меня рассмешили и умилили. Такую формулировку применительно к системе ОМС я слы-

шал в далеких, уже забытых 90-х. Один мой старший товарищ, из числа тогдашних чиновников, с юмором рассказывал о своем рабочем визите в среднеазиатские республики, где он стал невольным свидетелем телефонного разговора одного из директоров фонда ОМС: «Да, да дорогой,— говорил он кому-то в трубку,— деньги вам отгрузили, да, 125 млн, принимайте, осваивайте».

Когда эта история рассказывалась в компаниях, все смеялись, и мой товарищ пояснял, что директора фонда ОМС в средней Азии назначают по родственным связям, а не по профессиональным компетенциям, и этот директор фонда ОМС еще вчера был заместителем директора бетонного завода, и никакого отношения он не имел ни к медицине, ни, тем более, к страхованию. Он просто был родственником кому-то повыше и этого считалось достаточным для управления системой ОМС. И действительно, че там в этой ОМС управлять-то: отгружай и осваивай, делов-то...

— А ваш краевой министр — кто по профессии? — невольно всплыл у меня вопрос.

— Да вроде врач...

— Вроде врач... ОК, и что дальше? — спросил я,— отгрузили они деньги и что? Как торгуют-то? Чем торгуют?

— Ну как, все просто: определяют ассортимент услуг, их объем, первоначальную цену и вперед – торги на понижение. Например, наша компания проводит МРТ, выиграла 100 исследований головного мозга, 50 коленных суставов, ну и т. п.

— Хорошо, 50 «коленных суставов», а если столько не нужно «коленных суставов,» но зато нужно не 100, а 150 «головного мозга»? Если среди застрахованных вот так заболевания распределились? Совсем не так, как наторговал красноярский Минздрав через свою больницу?

ОМС — это же страхование

— ОМС — это же страхование, понимаете, в его основе вероятность и случайность страховых событий лежит, оно вот прям так потому и называется — СТРАХОВАНИЕ, и применяется тогда, когда страховой случай наступает, в этом весь смысл ОМС — финансовое обеспечение страховых событий. Этот смыл и в законе изложен, вот прям русским по белому, вот прямо прямым текстом изложен.

— Да, пересортица, так и случилось, только наоборот,— развела руками моя собеседница,— мы просили их поменять, но они сказали, что не могут, переторговывать надо.

— Иииии? Что с людьми-то? Которым медпомощь нужна была? Отказали? Вот просто у них на торгах пересортица и отказали в помощи по ОМС???

— Ну а что нам было делать? Они нам сказали: по торгам вы объем выбрали, больше не оплатим, отправляйте их из Ачинска в Красноярск или делайте за свой счет. А как мы можем за свой счет лечить застрахованных по ОМС, мы деньги где возьмем?

— Ну хорошо, а деньги, оставшиеся с «коленок», куда? Что с ними?

— Они остались, их обратно фонд забрал.

— Просто забрал? Вы отказывали в МРТ головного мозга, а фонд взял и просто забрал?

— Ну да, обычное дело, просто забрал у больницы. Наверное, на что-то другое пустил.

— Понятно: фонд забрал, пустил на что-то другое. Обычное дело.

Обычное дело...

В Краснодаре поймали семейную пару (муж–жена), которая ела людей. Об этом можно много прочитать в социальных сетях, репортажи об этом прошли даже на центральных ТВ-каналах. Приведены шокирующие снимки, изъятые из телефона людоедов. Их случайно (!) поймали. Правдивость этой истории здоровому человеку, на мой взгляд, трудно уложить в голове. Но это случилось.

Поразило, что мужчина из этой преступной пары спокойно дал признательные показания. Рассказал о том, что они людоедством занимаются с 1999 года, и сколько они съели людей, даже и не припомнит. «А что, обычное дело,» — сказал он. Так одна из статей в соцсетях и называлась: «Обычное дело».

Пересортица на торгах

Пересортица на торгах... людям отказали в медпомощи... деньги фонд забрал... обычное дело... это невольно вызвало у меня ассоциативные параллели...

...Уровень лицемерия и безразличия к человеческой жизни у красноярских чиновников и людоедов — идентичный, да, он выражается по-разному, но суть одинакова — безразличие к человеческой жизни. Пересортица, что такого, обычное дело...

А как же люди?

У меня, конечно, вертелся в голове вопрос: а как же люди? Как же их право на выбор врача, выбор медицинской орга-

низации? Как же приоритет интересов пациента? Как быть с правом человека на качественную и доступную медпомощь? Разве можно этим торговать? Разве можно это продавать? Почему этим лицемерным торгом занимаются красноярские чиновники?

Как же тот священный страховой принцип: ДЕНЬГИ ЗА ПАЦИЕНТОМ, о котором так много говорит и Президент РФ, и многие люди из Правительства РФ? А как же слова Министра здравоохранения В. Скворцовой, которая уверила Президента в том, что здравоохранение перешло на страховые принципы? Получается, что наврала? Или это просто глупая инициатива красноярских чиновников? Я искренне хочу верить в последнее.

Я не стал дальше ничего спрашивать. Например, о том, как пониженный до 60% на торгах тариф обеспечивает порядки и стандарты, а значит и качество медпомощи. Если обеспечивает, то почему тогда фонд ОМС вел расчеты раньше на 60% дороже? Стоит ли предыдущие (до торгов) тарифы признать необоснованно избыточными, а значит, и весь объем, что «дороже», следует считать нецелевым расходом Красноярского фонда ОМС.

Мне кажется, этот вопрос должен быть интересным для СК, прокуратуры, а может и даже ФСБ, ибо таким образом можно рассчитать и найти не один миллиард нецелевых средств, потраченных фондом ОМС ранее, до того, как они стали отгружать деньги на торги.

Я не стал спрашивать: а ответственность и отчетность по оказанным услугам при такой схеме кто несет — организация-заказчик или организация-исполнитель? Договор на оказание услуг по ОМС кто заключил?

Совершенно очевидно, что организация-подрядчик, в данном случае, не имеет договоров со СМО, а потому может в этой части объема оказания услуг смело игнорировать все требования экспертов СМО о предоставлении документации как для экспертизы качества медпомощи, так и для медико-экономической экспертизы, ибо эти деньги уже перестают быть целевыми, так как приходят не по договорам от СМО (см. гл. 34 НК РФ).

Это значит, что организация-подрядчик может смело брать и дополнительную оплату с застрахованных граждан, компенсируя понижение тарифа на торгах + маржинальность. Ее теперь трудно будет оштрафовать, экспертам СМО она не доступна, ибо это уже совсем другие договорные отношения, и СМО тут не при чем.

Однако экспертам СМО есть с кого удерживать штрафы — это муниципальная больница, организовавшая торги, у нее договор со СМО, у нее и ответственность, в том числе и за все соплатежи своего подрядчика:)))...

Я не стал об этом всем спрашивать. Я попросил своих коллег: «Пожалуйста, не молчите. Говорите об этом, ибо это колоссальная профессиональная некомпетентность региональных чиновников. Я не верю, чтобы на федеральном уровне одобрили бы такие эксперименты над застрахованными. Не хочу верить».

Следует понимать, что профессиональная глупость региональных чиновников отражается на людях, на простых гражданах, на наших пациентах! Но обвинят они в этом простых врачей!!! Они, чиновники, уже это делают, разве это не чувствуется?

Враг-вредитель №3

ОГЛЯНИТЕСЬ! Врач в общественном мнении — это враг-вредитель №3 (после террористов и демонстрантов). Кто привел к такой ситуации? Чиновник-управленец, ибо он рисовал для врачей «дорожные карты», издавал приказы, торговал доступностью и качеством медпомощи, и ему за это ничего никогда не бывает... ничего.

Врача и ЛПУ могут наказать даже за неразборчивый почерк. Чиновника не наказывают, он всегда переводит стрелки на врача, у него во всем виноват врач, его судите, его в тюрьму...

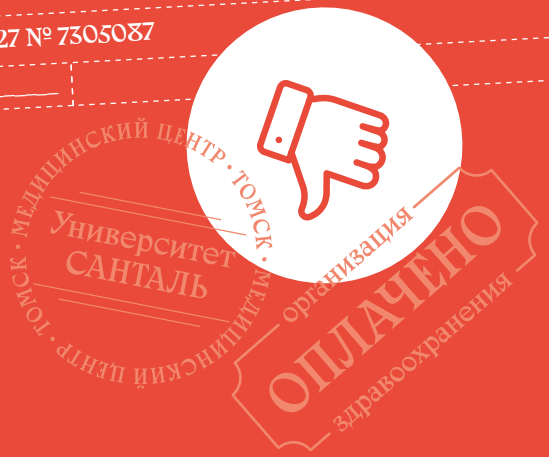
...И толпа негодует, и за все это будет «бить» простого врача, ибо... «Это все он»,— покажет на него пальцем чиновник... И толпа будет «бить» врача до тех пор, пока он, чиновник, торгующий правом и свободой граждан, не сдаст вас в полицию под уголовную ответственность за то, что при пересортице на торгах именно вы отказали пациенту в медпомощи. А ведь знаете, по формальным признакам этого достаточно для полиции для вашего административного, а в скором будущем и уголовного наказании. Помните об этом, а потому и не молчите. Пожалуйста.

Рассказ №9

РАССКАЗ О БИЗНЕС-МОДЕЛИ МУСОРНОЙ СВАЛКИ ЭМОЦИЙ

Медицинское заключение серия 27 № 7305087

Дата __/__/__ Подпись_____

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Пап, есть разговор.

Фёдор подсел к отцу за стол. Если родитель налил за ужином третью рюмку водки, значит, беседа сложится.

— Ну,— дружеским тоном отозвался Сергей Ильич,— почему рядом сел, будто девушка, садись напротив, как мужик, коль дельный разговор затеваешь или клянчить чего-то собрался?

— Нет, пап, совет нужен.

— Совет? О как! Ну, давай, спрашивай, чем смогу, помогу...

— В школе новый учитель, молодой, задал описать модель своего возможного бизнеса. Я думал, но ничего не придумалось. Не знаю, что писать. Не хочу я заниматься бизнесом. Я врачом буду.

— Ну, вот так ему и скажи,— ухмыльнулся отец,— зачем ерундой заниматься, вам ЕГЭ зубрить надо, уже весной сдавать. Учти, на репетиторов денег не дам.

— Ну, паааап... Он сказал, если креатив не пойдёт, возьмите деятельность родителей, знакомых, просто известных людей. Ты же занимаешься бизнесом, можно, я его опишу? Поможешь?

— Это всё? — спросил отец, выдержав равнодушную паузу.

Фёдор кивнул. Отец опрокинул в себя стопку водки, — я мусором занимаюсь, сынок, мусорным бизнесом.

— Я знаю, что мусором. Можно, я приеду, посмотрю, как устроен твой завод по переработке отходов. Ты делаешь важное дело, это хороший бизнес. Получится отличный доклад...

— Нет, на завод не получится, — сухо перебил отец, не отрываясь от борща, — у меня мусорный полигон ТБО. Свалка по-вашему, по-детски. Нет никакого завода. Дорого это — завод, да и хлопотно.

— Хорошо, пусть мусорный полигон. Расскажи про него, в чем там бизнес, пап?

Сергей Ильич добродушно рассмеялся, по-отцовски потрепал волосы сына.

— Бизнес в том, что ты собираешь мусор, а не в том, что ты его перерабатываешь. Понимать надо, где маржа, сынок.

Фёдор пожал плечами.

— Наш преподаватель сказал, что любой бизнес направлен на удовлетворение человеческой потребности, в этом его суть.

— Видать, молод ещё твой учитель, — ехидно заметил Сергей Ильич, — цель бизнеса — получать прибыль. Понимаешь? А с потребностями у нас все нормально. Нам требуются деньги, им требуется избавиться от своих отходов повседневной жизни. Роем яму, собираем в неё мусор. Им хорошо, и мы с деньгами. Понял?

Фёдор молчал. Представление о красивом сверкающем заводе рухнуло, воображение рисовало неприглядную картину огромной зловонной мусорной свалки.

— Больше мусора — больше доход, токсичные отходы — дороже утилизация. Хочешь больше зарабатывать — рой глубже яму. Чёткие цели, понятные точки роста. Как говорится, «вонючий» у нас бизнес, сынок, зато денежный. Не бедствуем, и уж точно на помойке не окажемся, да и рядом с помойкой тоже.

Сергей Ильич потянулся и расплылся в самодовольной улыбке, ему понравилась всплывшая аллегория: собирающий мусор на помойке не окажется.

Фёдор был в отчаянии. Отец был последней надеждой, но описывать «вонючий» бизнес ему не хотелось.

— Ну, что нос повесил, — подбодрил Сергей Ильич, — понимаю, бизнес неприглядный, да и скандальный. Поэтому не стоит писать о том, как мы на мусоре деньги поднимаем, нам эти откровения ни к чему. На меня кто только не пишет, не хватало, чтобы ещё родной сын строчил... Но! — отец сделал

интригующую паузу, наливая очередную рюмочку водки, — есть одна мысль, давно в голове бродит. Сейчас поделюсь. Кстати, журналюги меня на нее и навели. Ох, сколько крови они у меня попили, сколько денег вытащили эти СМИ проклятые...

Пустая стопка звучно опустилась на стол.

— Огромная жалобная книга в интернете — вот моя идея! — торжественно выпалил Сергей Ильич, и, «закусив» выпитое ароматом чёрного хлеба, самодовольно оглядел всех сидящих за столом.

Молчали. Спорить с возбужденным отцом не хотелось.

— Как тебе идея, дочура?! — в процессе разговора Инесса тихонько присоединилась к круглому столу, — что посоветуешь брату как студентка пятого курса медицинского университета? А?!

— Я ему сразу сказала: опиши мой интернет-консалтинг. Аудитория огромная — вся страна у твоих ног.

— Ну, а он? — отец кивнул в сторону Фёдора.

— Отказался, — развела руками Инесса, — сказал, что это лажа, фейк. А какой это фейк, если в моем инстаграмме уже почти 70 тысяч подписчиков. Инесса положила на середину стола свой планшет.

— Вот, смотрите! Я начала проводить консалтинг по эмоциональному выгоранию врачей всего три месяца назад, и, пожалуйста, уже результат.

— А почему отказался-то? — с удивлением обратился отец к Фёдору.

— Ну, паап, не серьёзно книжки пересказывать и выдавать себя за тренера. У неё опыта — ноль. Она — фейковый тренер, материал её — мусор.

— Ты мне мусор-то не трожь, мусор ему не нравится. Мусор всю нашу семью кормит, понял? — рявкнул отец. Фёдор покорно кивнул.

— Инесса права. Интернет — это сила. Мусор — тоже сила. Вот и объедини их. Получится отличный бизнес. Виртуальный мусорный полигон всероссийского масштаба — сказка, а не бизнес! Слушай умных людей!

Фёдор недоверчиво посмотрел на отца.

— Какой виртуальный полигон, пап, — робко произнёс он, — причем здесь мусор. Ну ты сравнил тоже... Жалобы и мусор...

— Разницы нет, сынок, поверь. Есть мусор бытовой, а есть эмоциональный. Злость, гнев, ненависть, раздражительность... да что там, все негативные эмоции — это эмоциональный мусор, и от него также хотят избавиться. Это естественная челове-

ческая потребность, поэтому люди обожают жаловаться — они выбрасывают свои ненужные эмоции. Понимаешь?

— Жалоба — это не мусор, пап. Люди хотят справедливости, вот и жалуются, а как по-другому им поступать? Они хотят исправлений, чтобы другим было лучше.

— Эх, сынок, плохо ты пока знаешь людей. Человек по природе слишком эгоистичен, чтобы заботиться об общественном благе. Человек жаждет выплеснуть кипящие эмоции — вот что у него на первом месте. Жжет ему, понимаешь, дискомфортно. А твое «чтобы другим было лучше» — это как освежитель воздуха в туалете: ничего общего с отходами, используется для создания благородства атмосферы, мол, смотрите, мои отходы не вонючие, а благоухающие. Да, Инесса!??

Сергей Ильич игриво подтолкнул локтем мгновенно побагровевшую девушку. За столом повисла неловкая пауза.

— Да ты не тушуйся, дело житейское,— примиряюще похлопал её по бедру отец.

Инесса резко отбросила руку, встала и, демонстративно громко хлопнув дверью, покинула столовую.

— Вот! Не нравится! А я ведь правду сказал.

— А мог бы и промолчать, дурак,— осуждающие вступила в разговор хозяйка дома, хлопотавшая вокруг стола.

— Да, мать, мог и промолчать,— философски согласился Сергей Ильич,— мог бы и Фёдора в пример привести, иль скажем тебя... Понимаешь, сын мой, о чем я? Чувствуешь стержень мусорного бизнеса???

Фёдор молчал.

— По лицу вижу, не понимаешь. Хорошо, другой пример. Вот собачишься ты с младшим братом, аж до матов у вас доходит. Как правду найти? Ты сестру привлекаешь, мол, Серёжка её тоже обидел, или говоришь об угрозе семейного интереса, мол, из-за него мы все в кино опоздаем. Валишь на него весь мусор, обкладываешь говном. Есть такое? А корень-то проблем в тебе! Ты первый начал! Напомнить, как дело было? Как ты на малого все стрелки перевёл? А прав кто? Кто громче матери жалуется? — не тот, кто дерьмом облит. Что молчишь?

Вот, то-то...

— Пап, я к тебе за советом пришёл, а не дела семейные разбирать,— обиделся Фёдор и стал собирать разложенные на столе бумаги,— не хочешь помочь, мог бы сразу сказать.

Отец с удивлением развёл руки.

— Вот тебе на, я ему про суть бизнеса толкую, распинаюсь тут... Хочешь конкретики, пожалуйста, записывай: бизнес-модель — открытый сайт сбора и обработки жалоб на платформе веб-ресурса, этакий агрегатор, как мусорный полигон у нас. Понимаешь?

Сергей Ильич укоризненно посмотрел на сына.

— Пиши, потом опять скажешь, что отец не помог.

Федор нехотя взял ручку и стал писать.

— Основная фишка,— увлечённо продолжил родитель,— сайт должен быть максимально публичным и максимально анонимным. Одновременно. С одной стороны, нет ничего эффективнее, чем публичная порка, с другой — жаловаться из засады всегда безопаснее.

Когда жалуешься один и напрямую начальству, ты — гнусный стукач, а в толпе и анонимно,— ты — герой, общественник.

Второе. Сайт должен быть легкодоступным, а значит мобильным, так сказать, всегда под рукой. Ты видал, как люди поступают: откроют окно машины и херак пустую бутылку на улицу, херак окурок или объедки... Что это? Это люди как можно быстрее хотят избавиться от мусора. Также и с жалобами. До начальника пока доберешься, а телефон всегда под рукой. Вышел в интернет, слил эмоциональные помои — всё, чистенький живёшь дальше. Красота!

— Вот что за бред ты несёшь,— опять вступила в разговор хозяйка,— если человеку надо проблему решить, он любые пути пройдёт.

— Мать, ты не встревай,— отмахнулся Сергей Ильич,— сайт жалоб — это не для тех, кому проблемы решать, это для тех, кому эмоции слить. Слышала, в Питере открыли аттракцион, где можно посуду бить — можно и так душу отвести. Но до него же дойти надо, деньги платить, а здесь зашёл на сайт, вылил, пошёл. Хотя,— Сергей Ильич с прищуром посмотрел в сторону хозяйки,— можно и на жену наорать, аль наподдать ей слегонца по жопе, да?

Отец похотливо шлепнул по «корме» проплывающей мимо Ирины Петровны.

— Что тебе больше нравится, мать? Молчишь? Вот и я говорю, сайт жалоб — отличная вещь, мусорка людям нужна. Эмоциональная мусорка. Будет работать, мать, я не первый год в мусорном бизнесе.

Сергей Ильич налил очередную рюмку водки.

— Я тебе так скажу, мусорный полигон эмоций для человека даже важнее будет. Это я тебе как несостоявшийся психолог говорю.

— Не много водки на сегодня, психолог,— укоризненно

спросила Ирина Петровна, — а то могу напомнить, почему ты на мусорке работаешь...

— Страх всегда порождает агрессию, — полностью игнорируя упрёки, продолжил Сергей Ильич, — агрессия должна быть реализована в действие — человек бьёт, бежит или орёт. Поэтому будут писать. Но ты права, мать, специфичный сайт должен быть.

Сергей Ильич задумался...

— Точно! — воскликнул он после минутного размышления, — про докторов!!! Будем собирать жалобы на врачей!!!

Эту мысль Сергей Ильич завершил залихватским приемом опустошением стопки, которую он манерно и звучно опустил на стол, мол: вот так, и точка.

Повисла пауза.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— Почему про врачей? — удивился Фёдор, — это самая благородная специальность. Я хочу стать врачом, я уже твёрдо решил. Я против такой идеи, пап. Не надо врачей в мусорку превращать.

— Да перестань ты голосить, — поморщился родитель, — дослушай. В поликлинику и полицию люди всегда обращаются, когда конкретно припёрло. Острая необходимость. Понимаешь? Никто не ходит туда просто посмотреть, как в магазин, или развлечься, как в кино, или просто посидеть, как в ресторан. Всегда нужда гонит, — Сергей Ильич перешёл на шёпот, — насильничает, и это порождает в людях страх. Общаться с ментами и врачами народу страшно, как минимум — дискомфортно. Понимаешь? А страх всегда порождает агрессию. Это биология, сынок. Поэтому про докторов идеальное направление для реализации агрессии, где она родилась, там должна и умереть. Думаю, это справедливо.

Сергей Ильич был явно доволен построенной логикой своих объяснений.

— Ну и делай агрегатор жалоб на полицию, судей, чиновников, — вскипел обиженный Фёдор, — чего к врачам прицепился. Я сам хочу быть врачом, пап, пойми?

— Э-э-э-э, парень, ты забыл, что это мы тебе проект делаем. Я советы даю, а ты сам решай... Но только одно скажу: на чиновников нельзя публичные анонимные жалобы писать — это оскорблением государственной власти считается. По закону! Такой же закон скоро про судей примут — не перспективно. А на силовиков любых мастей публичные помои лить — это

тебе, сынок, не пустой бумажный стаканчик в росгвардейца метать. Могут реально трешечку впаять, а то и поболее.

Федор насупился. Взгляд исподлобья выдавал кипящую страсть эмоций, которую он с трудом удерживал.

— А ты глазами-то меня не жги, вон, сколько вас молодых одурманенных по тюрьмам сидит, говорят уже около 2000. И что? Добились свободы? Нет! Справедливости? Чего молчишь? Вот и я говорю: сайт про докторов — это бизнес-проект и всё, чисто за бабло разговор. А хочешь справедливости — иди на баррикады или митинги, или ссышь? Вот и правильно, нехер там делать.

Энергия негативной страсти явно витала в воздухе.

— Ты пойми, — Сергей Ильич примиряюще дотронулся до плеча сына, — создаёшь сайт жалоб про докторов, тебя поддержат и чиновники, и силовики, а наоборот сделаешь?.. Как тебя врачи поддержат? Никак. Вот и смекай. Размещение помойки на территории докторов устроит все общество — идеальное место для мусорной свалки. Ну, а будут возмущаться, — пожал плечами отец, — так это везде бунты против мусорных полигонов, и что? Кто-то должен жить на помойке, сынок.

Сергей Ильич замолчал. Задумался...

— А если ты все же решишь стать врачом, — уже спокойным тоном продолжил он, — а не офицером ФСБ, как я тебе рекомендую, то и здесь ты все равно при козырях. Это ты как управляющий сайтом будешь решать: на кого пациентам жаловаться, а кого хвалить. Вершить, так сказать, суд праведный от имени разгневанных граждан. Общественный гнев — это сила, сынок, и он будет в твоих руках.

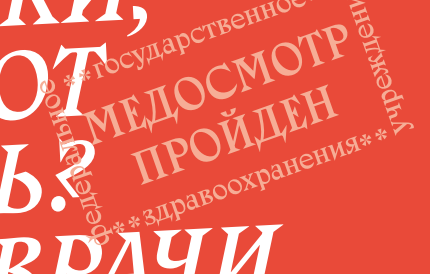
— Как суд Линча. Да, пап? Публичная казнь, в которой мог принять участие каждый. Там и негры, которых наказывали, и Ку-клукс-клан, который принимал жалобы общественности. Тебе твоя идея это не напоминает?

— Какой суд Линча, какие негры! Что собрал всякую ерунду! — поморщился Сергей Ильич, — говорю же, врачей возьми. Интеллигенция всегда виновата, у них косяков полно... Там никаких «куклускланов» не надо, просто покажи народу дорожку к чувству превосходства, и народ тебя вознесет в лидеры, а то и в боги...

— Как Гитлера? — не унимался Фёдор.

— Как великого Сталина, Наполеона и Тамерлана!!! — вскипел Сергей Ильич. — Запомни: люди свои позитивные эмоции прячут по углам, а негативные бросают в общий котёл ненависти. В топку! Ничто так не объединяет, как негативные эмоции.

— ТЫ ПОЙМИ, — СЕРГЕЙ ИЛЬИЧ ПРИМИРЯЮЩЕ ДОТРОНУЛСЯ ДО ПЛЕЧА СЫНА, — СОЗДАЁШЬ САЙТ ЖАЛОБ ПРО ДОКТОРОВ, ТЕБЯ ПОДДЕРЖАТ И ЧИНОВНИКИ, И СИЛОВИКИ, А НАОБОРОТ СДЕЛАЕШЬ? КАК ТЕБЯ ВРАЧИ ПОДДЕРЖАТ?

Заклинание шаманов построено на негативных эмоциях, все властители мира объединяли свои армии негативными эмоциями: «пойдите и убейте их, и будет вам счастье и богатство». Так они говорили, и толпа шла и убивала.

Федор собрал в охапку листы и, хлопнув дверью, вышел из столовой.

Сергей Ильич пожал плечами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Неловкую паузу прервал звонок.

— Ой, это должно быть Люба, — захлопотала Ирина Петровна, — пойду, открою.

Соседку тётю Любу все любили, даже кот, которому она всегда приносила лакомства. Частенько в застольных беседах Сергей Ильич вступал с ней в ожесточенные житейско-политические разногласия и даже мог отпустить в её адрес крепкое словечко, но добродушие Любовь Ивановны всегда тушило пламя раздора.

Она была врачом. Никто точно не знал каким. Тётя Люба лечила всё и всех. А еще она была каким-то начальником в городской поликлинике N5, и все домочадцы пользовались блатом, потому как по знакомству идти к врачу почти не страшно.

— Вот хорошо, что пришла, давай к нам, — Сергей Ильич махнул рукой, дружелюбно приглашая тётю Любу за стол, — спор у нас, дискуссия за бизнес, так сказать. Пятьдесят граммов будешь? Мать, дай стопочку Любаше.

— Дискуссия — это хорошо, — добродушно отозвалась соседка, — только, боюсь, не помогу я с бизнесом, не эксперт я в этих вопросах. Тем более, — тётя Люба кивнула почти на пустую бутылку водки, — здесь, похоже, уже любой — дурак, кто говорит не так.

— Так бизнес на врачах...

— О как! Ладно, поясни, любопытно уже.

— Вот смотри, — оживился хозяин дома, — ты у себя в поликлинике вроде как начальник, да?

— Есть немного, начмед, если по-простому.

— Бывает же так, что ваши врачи косячат...

— Бывает разное, врачи — тоже люди.

— Пациенты жалуются Вам?

— Постоянно. Они для этого в поликлинику и приходят.

— Да неееe... На врачей, говорю, ваших жалуются? Жалобы пишут? Мол, не так полечили, не так обслужили, в регистратуре нахамили, напутали что-то...

— Ну конечно, Ильич, это же жизнь,— развела руками наш доктор,— всякое бывает. К чему клонишь-то? Бизнес-то твой где?

— А вот нафига ты за своими врачами не следишь!!! — перешёл в наступление Сергей Ильич.— Распоясались они у тебя, вредят, а не лечат!!! Сайт мы будем создавать, где жалобы на докторов всем миром собирать начнем!!! Всё, что наболело, всю, так сказать, правду будем про вас рассказывать. Выводить вас, могильщиков, на чистую воду!!!

Сергей Ильич в митингующем порыве даже чуть привстал со стула, вероятно, ожидая, что эта идея наповал сразит нашего начмеда.

— Да полно уже таких сайтов,— спокойно пожала плечами тётя Люба,— куда только наши пациенты не пишут.

— Да?!? И как же вы реагируете на жалобы?

— По-разному. Те, которые по делу,— решаем. По анонимным просим «открыть личико». Открывают — решаем, нет — как тут решишь, даём ответ на отвлеченные темы с позитивным контекстом. Есть такой психологический приём, знаешь?

— Вот!!! — назидательно поднял верх палец Ильич,— уклоняетесь! Игнорируете! А мы заставим вас, врачей, реагировать на все жалобы!!! Понятно тебе?!?

— Понятно,— спокойно закивала наш начмед,— на все жалобы. Заставите. Что шумишь-то?

— Во-первых,— стал загибать пальцы Сергей Ильич,— люди наконец-то открыто смогут выражать свое мнение о профессиональной компетенции любых врачей. Если пациенты посчитают, что врач низкой квалификации, халтурщик, грубиян, алкоголик, они прямо и правдиво смогут об этом заявить, чтобы предостеречь других таких же сознательных граждан от нерадивых эскулапов.

Тетя Люба улыбнулась,— лихо ты, Ильич, ярлыки раздаешь. Мы, порой, целой коллегиальной комиссией не можем разобраться, а разгневанные граждане сразу...

— А ты не смейся, не смейся,— погрозил пальцем Сергей Ильич,— мы точно знаем, что все жалобы пациентов вы в чулан складываете, закапываете на кладбище своего врачебного равнодушия. Теперь мы вам этого не позволим!!! Мы возьмём контроль над работой с жалобами в свои руки!!! Вы должны будите отчитываться перед нами!!! Перед народом!!! Понятно?

Сергей Ильич «гремел» лозунгами, как командующий тысячи армий.

— Да понятно, понятно,— не скрывая улыбки, кивнула тётя Люба.— Мы, врачи, не можем, только вы знаете, что и как правильно. Кто хороший, кто плохой. Только вы. Что тут не понятного. Это всё?

Ироничность Любовь Ивановны ещё больше раззадорила родителя.

— Мы заставим вас публично извиняться перед пациентами,— прошипел он, и, наклонившись к самому лицу тёти Любы, прочеканил слова,— мы наденем на вас рейтинги доверия. Понятно!? Общественным голосованием будем присваивать вам статус благонадёжности. В ответ на жалобу мы заставим вас делать три, нет, пять благородных поступков и отчитываться о них на нашем сайте... Вот так!

Сергей Ильич сел. Он и сам не заметил, что в порыве страсти соскочил со стула и стал размахивать руками, как заправский оратор на митинге православных активистов.

— Теперь все? — спокойно спросила тётя Люба.

— Всё,— небрежно буркнул Ильич,— наливая и тут же опрокидывая в себя стопку водки.

— Молодец! Надел костюм психологического садиста. Обесценивание, тотальный контроль, отвержение, принуждение к нежелаемым действиям... Все это признаки психологического насилия,— развела руками наш доктор.— Вполне объяснимо для человека, выпившего в одно лицо пол-литра водки. Откуда оно в тебе, Ильич?

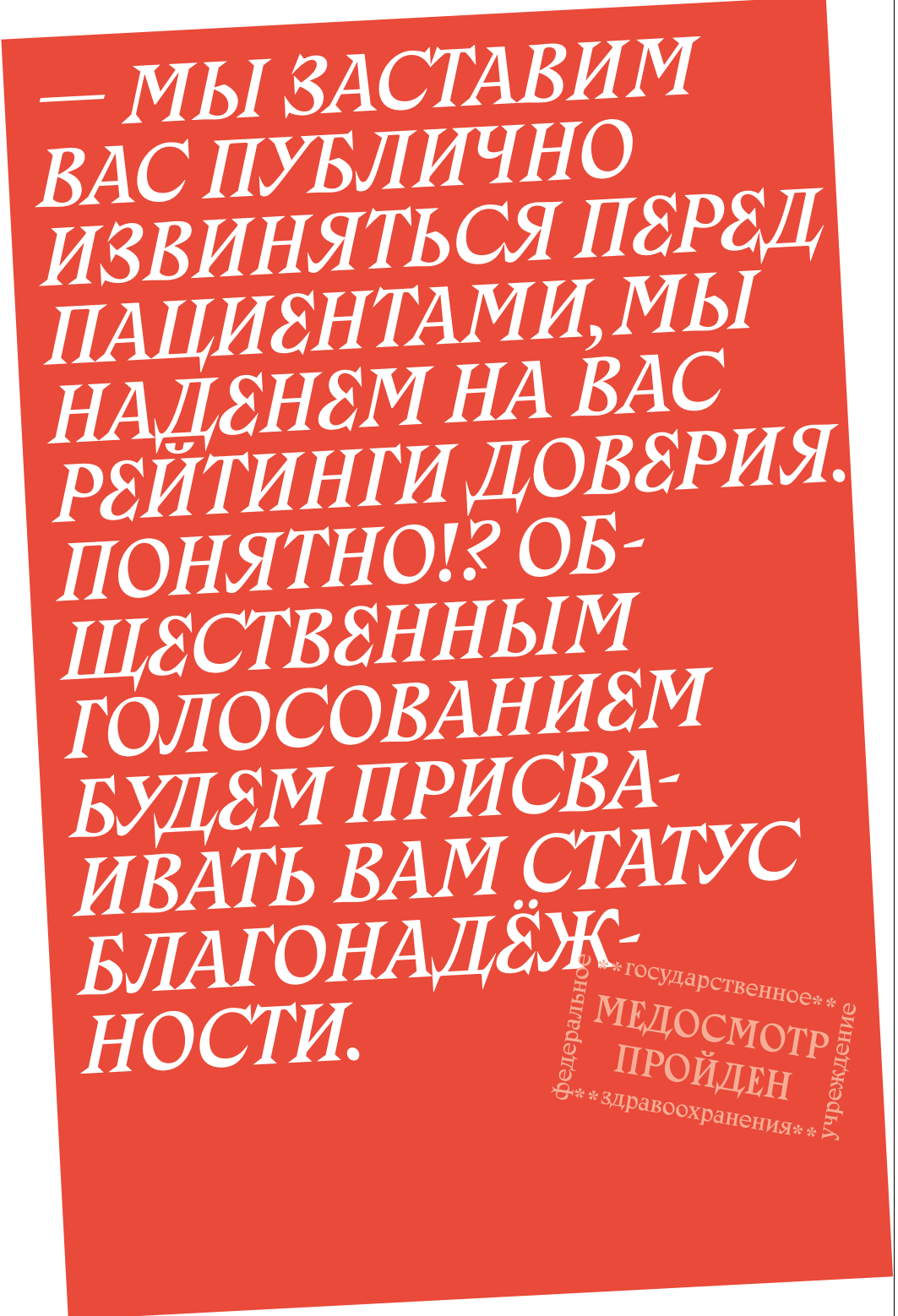
— Насилие над пациентами совершают врачи, пациенты защищаются, а мы будем защищать их право на защиту.

— С обеих сторон могут быть обидные действия,— пожала плечами тетя Люба,— но, как говорят, есть нюансы, если ты знаком с таким анекдотом и понимаешь, о чем я...

Действительно, часто врачи небрежны, слишком естественны в своём поведении, они упускают из вида специфику мировосприятия пациента. Да, это можно отнести к профессиональным недочетам врача. В результате «нечто» в его поведении оскорбляет пациента. Но! У врача не было на это намерений. Он не хотел оскорблять. Другое дело — пациент. В ответ разгневанный пациент намерено оскорбляет и унижает врача. Намеренно! — тебя Люба подняла вверх указательный палец.— Именно для этого он приходит на сайт жалоб. Он приходит совершить психологическое насилие под флагом благородного праведного возмездия.

— Тебя послушать, так пациент вообще право голоса не имеет, должен принимать все, что с ним врач делает.

— Конечно, имеет, только голос голосу — рознь. Речь о целеполагании. Если пациент хочет разрешить проблему, он назо-

вёт свое имя. Только так можно найти её объективное решение. Аноним лишь истерически кричит, у него цель другая — возмездие методом психологического насилия. Вот он и опорожняется.

— Какое насилие, Люба, — вскипел Сергей Ильич, — что ты несёшь-то?!?! Жалоба — это подарок. Возможность понять свои ошибки и недочёты: реагируй, прими к сведению...

— Жалоба — это подарок, — улыбнулась наш доктор, — да, верно. Как и бьет — значит, любит. Да, Иришка? — тетя Люба посмотрела на смутившуюся хозяйку дома. — Любит тебя Сергей? Сергей, бьёшь жену? Или нет любви между вами?

Повисла пауза.

— Вот и я про это, — заключила тётя Люба. — Ты, мой сердечный, на обследование когда придёшь, давно ведь собираешься? — любезно прощебетала она, — давай, на вторник запишу? Ладно?

— Дура ты, Любка, не догоняешь ничего, вот вы где у нас будете, — Сергей Ильич потряс кулаком в воздухе.

— Слушай, вот ты взрослый мужик, — покачала она головой, — а не понимаешь, что реальная жизнь из полутонов состоит, и правда — это не истина, а всего лишь мнение большинства на данный момент. Помнишь, коммунисты были хорошими — это была правда, потому что многие так считали. А оказалось, что это пропаганда, фейк, как сейчас говорят.

Вот и сайт твой — это пропаганда психологического насилия, основанного на фейках — анонимных мнениях. Откуда это у тебя, — со вздохом развела руками, — ты, как подросток. Те в компьютерные игры режутся, звездные войны, Doom там всякий — насилием пропитываются, там другого сюжета нет. А у тебя откуда? Хотя, понимаю, откуда, — она взяла недопитую бутылку и протянула её хозяйке дома.

Ирина Петровна тяжело вздохнула.

— Наш младший, Сережка, совсем на этих играх помешен, беда прям с ним...

— Ладно, пойду я, — улыбнулась Любовь Ивановна, — давай, Ильич, во вторник жду, прямо с утра. Напишу тебе сообщение, завтра напомню. Пойдем, Ира, дашь мне фильтры для кофеварки, проводишь меня. Мои потеряли меня, наверное, на минутку, называется, вышла...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Ах, как это великолепно выйти из бани и наблюдать, как красное солнце падает за макушки деревьев.

Шёл первый месяц заслуженного пенсионного отдыха. Что может быть лучше дачи, бани, субботы и вечерней компании добродушных соседей.

Сидели в беседке… Болтали обо всем…

— Ильич, а помнишь, давно-давно, еще до пенсии, про сайт разговор был? Вы врачей на нем собирались песочить? И что? Сделал Фёдор, получилось что?

— Да, сделали,— с досадой отмахнулся Сергей Ильич,— сделали. Только не Фёдор, а младшенький наш — Серега — его запустил, он в компьютерах больше шарит… Теперь он этим делом рулит.

— И как?

— А что, нормально. Фигачит, врачам там всем рейтинги ставит. Сестру, Инку нашу, на работу взял тренером. У него работает.

— Это как? Она же вроде на врача училась…

— Ой, Люба, я сам не пойму. Училась на терапевта, хирургом хотела быть, а потом сказала, что педагогический дар у нее, будет врачей учить как с пациентами правильно общаться. Говорит, их никто этому не учит без нее, а им, дескать, это надо. Вот вроде как она и заполняет пробел академического образования… Так получается…

Люба грустно улыбнулась…

— Ну да, ну да, никто не учит… — почти шепотом повторила она,— а Фёдор как?

— Фёдор врачом работает в поликлинике, терапевтом. Но Серёга ему рейтинг больше, чем 2,5, не поднимает…,— ухмыльнулся Ильич.

— А что так? — удивилась Люба,— причём тут Серёга?

— Да вражда у них с детства. И я уже с ним говорил, и мать, все одно. Это, говорит, мол, объективная статистика, он тут не причём. Это, говорит, как ее… мать, ну скажи…

— Репрезентативная выборка,— подсказала хлопотавшая вокруг стола Ирина Петровна.

— Да, похоже, не доглядели с воспитанием,— вздохнула с иронией Люба,— костюм психологического садиста парень одел. Частенько сейчас такое встречается. Болезнь цивилизации, последствия компьютерных игр с агрессивным сюжетом, они насилие в свою реальную жизнь переносят, жестокие игры их воспитывают…

— Да ну тебя, Люба, нормальный Серега пацан. Может, и правда Фёдор тупой! Я ему идею в руки дал, а он во врачи пошёл… Я ему сразу говорил: не хочешь оказаться на помойке — строй помойку и возглавь ее. Я его предупреждал: врачи будут на помойке — судьба у них такая, время такое, что поделаешь…

— Как в воду глядел… — вздохнула тетя Люба,— ладно, наливай, а то уйду,— улыбнулась она.— Будет и на нашей улице праздник.

— Есть одна идея,— хитро улыбнулся Сергей Ильич, разливая по рюмочкам,— давай выпьем, расскажу…

Евгений Анатольевич Рабцун
Недомед. Совсем разные рассказы

16+

Социально-политическое электронное издание
комплексного распространения

Редактор
Евгений Матущак
Корректор
Ольга Макарова
Дизайн, верстка
Мария Кошелева

Книга подготовлена к печати
издательством «Материлайф»

Предлагаем полный пакет услуг «под ключ» по подготовке и изданию как печатных, так и электронных версий ваших периодических изданий, брошюр, сборников, книг (набор текста; иллюстрирование; корректура; редактура и литературная обработка; рецензия; присвоение уникальных кодов — ISBN, УДК, ББК, авторский знак; выходные данные; запись на электронные носители и печать в типографии).

www.materlife.ru
+7 (918) 030-07-91
mea@0370.ru

Издано по заказу ООО «Материлайф»
634050, Томская область, г. Томск,
ул. Трифонова, д. 22, пом. 5
+7 (918) 030-07-91

Печать офсетная. Формат 140×206 мм
Усл. печ. л. ? Тираж 100 экз.
Гарнитура Permian Serif, Zangezi
Подписано в печать 00.00.2021
Отпечатано в типографии
Адрес

ISBN 978-5-6045941-0-0

Перо в руках врача — тот же скальпель: им режут правду-матку по белой простыне страниц. Очень больно, если без наркоза художественного вымысла. А с ним — читать легко и даже втягиваешься. Автор нашел удивительный жанр для своих рассказов — сатирическая публицистика о нынешних нравах в отеческом здравоохранении. Чиновники, доктора, пациенты — все смешалось в этом сборнике рассказов сочным миксом ярких литературных образов.

Итак, знакомьтесь: Евгений Рабцун, кандидат медицинских наук, ведущий эксперт Национального союза объединений частного здравоохранения, возглавляющий сеть успешных клиник «ЦСМ-Санталь». Эта книга родилась в интернете, где рассказы были впервые опубликованы, и где к автору пришло признание. Его тонкий ироничный взгляд растопил сердца читателей, увидевших изнанку сегодняшней медицины глазами медика. Получилось очень жизненно и оттого — увлекательно.

ISBN 978-5-6045941-0-0